

**ЗАХАР
ПРИЛЕПИН**

НЕЗАКОННЫЙ

Захар Прилепин

Шолохов. Незаконный

«ВЕБКНИГА»

2023

Прилепин З.

Шолохов. Незаконный / З. Прилепин — «ВЕБКНИГА», 2023

ISBN 978-5-235-04762-4

Михаил Шолохов – один из крупнейших писателей XX века, автор эпических произведений, посвящённых революционным событиям в России и прежде всего на его родном Верхнем Дону. По праву считаясь советским патриотом и убеждённым коммунистом, он в то же время постоянно подвергался партийной критике, защищал жертв репрессий и сам едва избежал расправы ретивых чекистов. Любимый миллионами читателей, он был чужим для завистливого литературного бомонда, в среде которого родилась до сих пор не изжитая версия о том, что самый знаменитый шолоховский роман «Тихий Дон» написан не им, а другим автором или целой группой «литературных негров». В своей новой полномасштабной биографии Шолохова известный писатель, публицист, политик Захар Прилепин убедительно разоблачает эту и другие легенды, окружающие имя классика. Шаг за шагом проходя вместе с героем его жизненный и творческий путь, Прилепин показывает, что не только книги Шолохова, но и его судьба актуальны для нас и сегодня.

ISBN 978-5-235-04762-4

© Прилепин З., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Захар Прилепин Шолохов. Незаконный

Благодарю за огромную помощь, оказанную мне в работе:

– внука писателя Александра Михайловича Шолохова, когда-то предложившего мне взяться за этот труд и тем самым оказавшего автору великое доверие;

– дочь писателя Светлану Михайловну Шолохову, несказанно поразившую меня, о чём подробнее будет сказано ниже;

– литературоведа Юрия Александровича Дворянина, давшего мне многие дельные советы.

Посвящаю эту книгу памяти:

– Валентина Фёдоровича Юркина, многолетнего руководителя «Молодой гвардии», крепкого и жизнелюбивого советского человека;

– Андрея Витальевича Петрова, главного редактора издательства, добрейшего мужика, с которым мы договорились сделать эту книгу, но результата он уже не увидел;

– Родиона Владимировича Графа-Сафонова, моего друга и сослуживца, многократно перечитывавшего любимого своего писателя Шолохова и погибшего в мае 2022-го в боях за русскую землю.

© Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля, 2023

© ФГБУК «Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова», 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2023

Глава первая

Казак Кузнецов

* * *

Шолохова часто вспоминают так. Красивый, спокойный человек с удивительными – внимательными и будто улыбающимися чему-то – глазами слушает.

Все высказываются, спорят, перекрикивают друг друга, – а он в уголке присел и молчит.

Если и скажет, то каждое слово выложит бережно.

И слово покатится по столу как пасхальное яичко.

Прокручиваешь его жизнь – к началу или к закату – схожая картина.

Совсем ребёнок, босоногий казачок, стоит возле кружка хуторских стариков, не откликается на призыв сверстников продолжить игру: вслушивается. Только жилка на виске пульсирует.

Мать поёт песни – малоросские, казачьи, русские, – немеет, вникая; помнит почти каждую наизусть. Насыщается песнями, как солнцем и ветром.

К отцу наезжают знакомые: тулится возле, наблюдая явившихся – мещан, купцов, крестьян, казаков; ребёнка снедает неизъяснимое любопытство.

Темнеет уже – и вдруг отец, оборачиваясь, чтоб окликнуть жену, видит поразительные, из потусторонья взирающие глаза единственного сына.

«Сынок, и ты здесь?»

Тот еле заметно кивает; отвечает шёпотом, утвердительно: здесь.

Он был здесь всё это время, не мешал, не дышал.

Казаки на покосе, статные казачки у Чира или Дона, ребятня на рыбалке, гомон, ругань, шутки – всё липло к нему.

Сознание его было – пчелиные соты.

Едва ли явственный переизбыток этого любопытства был осознан им самим. Он не догадывался о предназначении своей памяти.

Собрались в одном курене старый и юный, белый и красный, чистый и чёрный – для общей исповеди.

Он всё запомнил.

Не свои страсти и метания – а саму жизнь, как она есть.

Ничего не забыл; спрятал в сердце, – как ребёнок прячет самую удивительную находку и несёт в ладони к отцу.

Пётр Луговой, ближайший шолоховский товарищ в тридцатые, так рассказывал: «Встречаясь с людьми, беседа с ними... Шолохов ничего не записывал. Он всё это запоминал в точности... Шолохов называл фамилии, имена, отчества людей, с которыми говорил, с которыми встречался... приводил многочисленные факты... описывал лица людей, которых видел, лица девушек, платки, которыми они были покрыты, их цвет и качество».

Театральный режиссёр Леон Мазрухо с удивлением замечал: Шолохов помнил, когда в прошлом году – и в позапрошлом, и за год до того, и за десять тоже – пошёл первый снег и когда случился перелёт осенних птичьих стай.

Композитор Иван Держинский, объездивший с Шолоховым десятки селений на Верхнем Дону, удивлялся тому, что писатель знал неисчислимое количество казачьих песен: «Я спрашивал многих местных жителей, видел ли кто-нибудь из них Шолохова с записной книжкой. Все, с кем я говорил, отвечали отрицательно».

Корреспондент «Большевистской смены» в 1940 году спросил: «Какое место занимает в вашей работе записная книжка?» Шолохов отвечал: «А у меня нет. Как-то в голове всё держу...»

Дочь Светлана вспоминала, что «благодаря исключительной памяти» её отец «сел писать 2-й том “Поднятой целины”, даже не перечитывая первый, а между ними было около 20 лет...»

Писатель Николай Корсунов, товарищ Шолохова по казахстанским его охотам, захав в станицу Вёшенскую – это уже начало 1970-х, – удивлённо заметил: «Поражаюсь цепкой, ясной памяти Михаила Александровича. Он вдруг называет имена уральцев, с которыми, быть может, всего один раз встречался, да и то случайно...»

– Как дела у Шубина? А как со здоровьем у агронома Третьяка? Он ведь прибаливал...»
Это с детства у него.

Двоюродный брат Александр Сергин: «Детская любознательность Михаила была чрезвычайно разнообразна. Он числился постоянным наблюдателем казачьих свадеб, песен и задорных плясок. Ко всему новому проявлял огромный интерес, отличаясь замечательной памятью».

Не то чтоб у Шолохова имелся гипертиместический синдром – так называется способность запоминать и воспроизводить аномальное количество информации, – но что-то наподобие точно было.

Шолохов, впрочем, никогда этим не бахвалился и серьёзно к этому не относился.

Кажется, многое он унаследовал от матери, Анастасии Даниловны. Луговой вспоминал, что она была «тактична, умна, выдержанна, очень наблюдательна, малоразговорчива, но каждое слово было на месте».

Все определения подходят её сыну, как влитые.

Вёшенский колхозный руководитель Плуткин вспоминал про главное качество Шолохова: «...умел слушать. Он умел слушать так, что собеседнику казалось очень важным всё, о чём он говорит...»

Запомнившееся разрасталось в его сознании как огромное дерево, пуская корни, давая плоды.

Потом, много-много позже, с годами эта невероятная память стала понемногу рассеиваться, терять прежнюю цепкость.

Быть может, не всё уже хотел помнить.

Быть может, что-то хотел забыть навсегда.

Пришедший к вам в дом, он будет молчать, улыбаться – той самой улыбкой, которая успокоит всякого. «Я знаю тебя, человек, – будто бы говорит эта улыбка, – я слышу тебя».

Всё, что нуждается в словах, – он уже произнёс.

* * *

Род Михаила Александровича Шолохова ведут от новгородского крестьянина XV века Степана Шолоха. Прозвище это чаще всего производят от слова «шорох» – давали его ребёнку то ли очень тихому, то ли, напротив, громкому, чтобы был потише. Есть и другой возможный источник: слово «шолохий», то есть «шероховатый лицом», которым в старину называли переболевших оспой.

После Степана Шолоховы теряются в глубинах времён, но в середине XVII века эта фамилия появляется на Рязанщине.

В переписной книге 1646 года записан житель города Зарайска Гаврило Дорофеевич Шолохов. Но первый выявленный предок писателя – не он, а Фирс Борисович Шолохов. Предположительно его отец Борис был сыном Гаврилы Дорофеевича.

В 1680-х Фирс был дворовым у боярина, затем поступил в пушкар и поселился в Пушкарской слободе Зарайска. Впервые он упоминается в 1686 году, когда в числе иных зарайских пушкарей был послан на службу в полк воеводы Леонтия Романовича Неплюева.

Фирс Шолохов участвовал в военных походах, в том числе в первом крымском походе 1687 года под руководством князя Голицына. В 1696 году Фирс и его старший сын Сенька были задействованы при постройке стругов. На этих же стругах в том же году они отправляются в Азовский поход Петра Великого. В списках, где перечисляются пушкарки, имя Фирса Шолохова называется в первых строках. Значит, был он замечен, и в боях проявлял сноровку и мужество.

Четыре сына Фирса пошли по отцовской стезе, став пушкарями. В том числе самый младший – прапрапрадед писателя Сергей Фирсович Шолохов. Предположительно он родился до 1710 года, а умер до 1744-го. Сын его, прапрадед писателя – Иван Сергеевич Шолохов – тоже был пушкарём.

В течение трёх поколений Шолоховы, во-первых, являлись военными, а во-вторых, несколько десятилетий подряд вместе с донскими казаками участвовали в походах на Крым и Азов.

Одним из самых удачливых военачальников Азовского похода 1696 года оказался бывший есаул Степана Разина Фрол Минаев, вовремя отошедший от бунтовщика, потому избежавший наказания и, более того, избранный впоследствии войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского.

Так род Шолоховых пересекается с древнейшей казачьей историей: не станем утверждать, что прапрапрадед писателя Фирс Шолохов и разинский есаул Фрол Минаев были знакомы, но при осаде Азова они, конечно же, могли видаться.

Сам писатель ничего о своих славных предках не знал: данные о пушкарской династии Шолоховых были разысканы совсем недавно. Но кровь нескольких поколений пушкарей Шолоховых в нём текла и сказывалась.

Среди уроженцев Зарайска значатся одиннадцать погибших участников Великой Отечественной, носивших фамилию Шолохов. Все они являются писателю дальней родней – ветви того рода, что разросся от пушкаря Фирса и его сыновей.

* * *

Рязанская земля была в XVII веке окраиной Русского государства; пушкарям не раз и не два приходилось сталкиваться с набегами крымских татар, ногаев, иных кочевых орд.

Земли ниже по Дону в те времена продолжали именоваться Диким полем; обитали там вольные люди – казаки.

Пополнялось казачество как раз рязанскими, тульскими, белгородскими, тамбовскими, волжскими охочими людьми.

Рязанские пушкарки и донские казаки различались по социальному статусу, но были близки по роду занятий. Когда случался очередной поход, рязанцы и донцы опознавали друг друга лично, лада и в бою, и в миру – скажем, в торговле.

Прадед писателя, Михаил Иванович Шолохов, часто бывал на Дону – уже не по военному делу, а по торговому: он стал первым в роду Шолоховым, перешедшим в мещанское сословие.

Дед писателя, Михаил Михайлович, по отцовскому примеру ещё подростком явился на Дон – трудиться, торговать. Первое упоминание его в документах – это 1852 год: тогда он служил в мануфактурной лавке купца второй гильдии Мохова Василия Тимофеевича. Запомним эту очень важную для нас фамилию – Мохов.

Поначалу Михаил Шолохов снимал квартиру в станице Вёшенской. По работе ездил закупаться товарами в Богучар и станицу Урюпинскую. Ещё молодым человеком ему удалось

сколотить капитал, подняться, стать купцом третьей гильдии. Позже он дорос до второй гильдии (купцов первой гильдии в Вёшенской не было вовсе). Заимел три собственные мануфактурные лавки – в Вёшках, в Дудареве и в Кружилине, – и два питейных подвала. В конце концов стал третьим по обороту среди станичного купечества.

При этом грамотой Михаил Михайлович не владел, а бухгалтерию вёл зарубками на досках. Дважды в огромных вёшенских пожарах сгорали все его лавки (в станице Вёшенской не было воды – её возили в бочках с Дона) – и оба раза всё нажитое восстанавливал. Похоже, имел хорошо вложенные или спрятанные накопления.

В жёны взял он дочь того самого Василия Тимофеевича Мохова – Марию. Венчались они примерно в 1857 году в станице Вёшенской, в церкви Святого Михаила Архангела. Напротив той церкви отстроили вскоре свой дом: четырёхкомнатный, крытый жёстью. Надо понимать: два крепких капитала – моховский и шолоховский – могли себе это позволить.

Дом тот тоже запомним – он неоднократно будет фигурировать на страницах «Тихого Дона».

Удивительно – Моховы тоже происходили из рязанского Зарайска. Род Шолоховых с родом Моховых так или иначе пересекался очень давно – возможно, за несколько столетий до рождения будущего писателя.

Отцовская линия его – целиком, если вглубь рода нырнуть и оглядеться, – происходит из Рязани.

* * *

Через несколько лет после свадьбы Михаил Михайлович Шолохов построит свой собственный, крупный мануфактурный магазин.

Шолоховы начали догонять Моховых по торговому размаху.

В станице Вёшенской жил брат Марии Васильевны – Капитон Васильевич Мохов: тоже немалого достатка купец. Помимо упомянутых нами Моховых, имели свою торговлю Мохов Мирон Автономович (и его сыновья Алексей и Николай) и Мохов Михаил Егорович: всё это разросшиеся ветви крепкой купеческой фамилии, дальняя шолоховская родня.

Успехов в торговле на Верхнем Дону достигнут и другие представители шолоховской фамилии: Иван Кузьмич Шолохов (и его дети – Евдокия и Пётр) и Пётр Иванович Шолохов.

Два неслучайных, ухватистых рода сплелись, чтоб дать жизнь писателю. Около сорока лет Шолоховы и Моховы держали в своих руках мануфактуру, питейное дело, справляясь с любой конкуренцией в округе. Михаил Михайлович Шолохов неоднократно избирался доверенным по проверке торговой деятельности купцов: проще говоря, выявлял нарушителей законов о налогообложении. Памятуя о том, что его внук будет на исходе Гражданской работать продовольственным инспектором, можно увидеть в этом некоторую преемственность.

Будущий писатель Михаил Александрович Шолохов не просто происходил от купеческих семей. Он являлся прямым потомком двух самых известных, самых богатых на Верхнем Дону купеческих родов.

Но с того богатства мало что ему достанется. Только хватка.

* * *

Семейство купца Мохова – персонажи «Тихого Дона».

Поданы они жёстко.

«Маленькими смуглыми руками, покрытыми редким глянцем волоса, шупал Сергей Платонович Мохов жизнь со всех сторон. Иногда и она с ним заигрывала, иногда висела, как камень на шее утопленника. Много перевидал Сергей Платонович на своём веку, в разных бывал

передрягах... Богател Мохов и проживался, под конец сколотил шестьдесят тысяч, положил их в Волго-Камский банк...»

Дав герою фамилию своей бабушки и двоюродного деда, державшего огромное дело в станице Вёшенской, Шолохов, конечно же, догадывался, что пройдёт время и читатели будущих времён начнут разыскивать у романного Мохова и его родни пересекающиеся черты. И в каждой, связанной с Моховыми истории, рассказанной в романе, подозревать семейные шолоховские предания.

Совращение моховской дочки казаком Митькой Коршуновым – одна из первых сцен романа «Тихий Дон». Придумал ли Шолохов эту историю, услышал ли от кого или подсмотрел в другом знакомом ему купеческом семействе – кто знает? Но дерзостную степень откровенности сложно не оценить. Автор мог дать купцу любую другую фамилию – а дал бабкину.

Двоюродный брат писателя Николай Петрович Шолохов утверждал, что романый Мохов списан на самом деле с другого деда – Михаила Михайловича Шолохова.

Примем как мнение, но дело в том, что деда своего Михаила Михайловича будущий писатель в живых уже не застал. Впрочем, и прадеда Василия Тимофеевича Мохова – тоже. Он мог сложить о них мнение только по рассказам.

Зато застал родного брата бабушки – Капитона Васильевича Мохова.

И таким образом мог вылепить семейство романых Моховых сразу из нескольких известных ему лично или по рассказам купеческих семей.

* * *

Михаил Михайлович Шолохов с женой Марией родили четверых сыновей (Николай, Александр, Пётр, Михаил) и четырёх дочерей (Прасковья, Капитолина, Ольга, Анна). Для всех детей купец Шолохов нанимал домашнего учителя: верил, что толк будет.

Худо-бедно учёные люди на Дону были редкостью. На одного грамотного казака приходилось семь неграмотных. До 1868 года вообще не существовало Положения о приходских школах и училищах для казачьих войск и вся масса русского казачества пребывала в элементарном неведении о науках. В связи с этим, например, до начала XX века ни о какой авторской казачьей литературе или музыке речи не шло. Когда Положение, наконец, появилось, на приходские училища в хуторах с числом жителей не менее ста человек начали выделять 350 рублей в год. Но денег этих, увы, не хватало. Пытались собирать на местах с жителей, но, как правило, станичные сборы отказывались принимать на себя содержание училищ: старики жили без наук, и дети обойдутся.

Шолоховский дед рассуждал иначе. Купеческое звание по наследству не передавалось. Станут ли они титульными купцами – зависело от них самих. Но всё необходимое для старта Михаил Шолохов детям своим предоставил. Да и дочерей старался выдавать выгодно, не за голь какую-нибудь. Дочь Прасковья вышла замуж за купца Ивана Сергеевича Лёвочкина с хутора Каргина. Дочь Капитолина – за крепкого каргинского мещанина Николая Бондаренко. Дочь Анна – за мостостроителя Ануфрия Спасибова. Дочь Ольга – за вёшенского фельдшера Ивана Сергина.

Старший сын Николай, так и не выбрав себе жену, пристрастился к спиртному. Вверенную ему дударевскую мануфактурную лавку отца разорил. В конце концов раздал остатки товара казакам и крестьянам, крича: «От кого наживал, тот пусть и пользуется!» Просто персонаж классической литературы – даже не Чехова, а кого-то вроде Писемского.

Второй сын – Александр, 1865 года рождения, – отец нашего героя. Первое образование он получил в одноклассном приходском училище.

Саша Шолохов с детства пристрастился к чтению. Отцу это казалось полезным – в дело такой ум пойдёт. Александр действительно вырос предприимчивый, с авантюрной жилкой,

вроде бы купцу необходимой. Но, увы, шолоховский отец был классическим неудачником. Все его предприятия рано или поздно заканчивались финансовой катастрофой.

Забегая вперёд скажем: удивительно, но Шолохов никогда не воспользуется историями отцовских разорений в литературных целях. На его глазах случаются такие трагикомические сюжеты – бери да записывай, но нет. Жалел ли он отца или даже вспоминать о том было ему больно – гадать не станем. Но всю жизнь писавший в известном смысле с натуры, именно этой тематики Шолохов избегнет.

Несколько раз приказчик 1-го класса Александр переезжал с места на место. Затевал то одно, то другое предприятие. Потерпев неудачу, не отчаивался. Перехватывал займы у женатого на сестре Александра Прасковье купца Лёвочкина – и отправлялся в Москву или в Нижний, обуреваемый новой идеей: купить там, перепродать здесь и, наконец, заработать.

Третий сын, Пётр, единственный из всех Шолоховых служил в армии. Характерный факт: в Батумском полку, куда в 1899 году попал Пётр, его тут же поставили писарем, потому что он был едва ли не единственным призывником, обученным грамоте.

Как только Пётр вернулся из армии, Михаил Михайлович женил его на дочери купцов Обоймаковых – сильной и оборотистой семьи, державшейся немногим ниже Моховых и Шолоховых. Звали дочку Анна Семёновна.

Пётр и Анна отправились в хутор Кружилин. Отец приобрёл им богатое подворье, где молодая семья открыла постоянный двор; также владели они галантерейной лавкой.

Каждый год Пётр с Анной рожали по ребёнку, и каждый год дети умирали: похоронили пятерых. Очередного решили крестить не в Кружилинской церкви (рассудив, что «у священника рука тяжёлая»), а в соседнем хуторе. Но и тот ребёнок умер. Больше в церковь не ходили, а из Кружилина уехали в хутор Плешаков.

Подворье своё Пётр продал брату Александру – и тот заселился в Кружилине. На хуторе том жило около шестисот человек: было где развернуться. Снова заработала закрытая Петром лавка: поначалу Александр сам в ней и торговал. Затем, с дозволения купца Парамонова, державшего по Дону хлебные ссыпки, Александр открыл у себя промежуточную хлебную ссыпку. Во дворе у него вечно толпились казаки и крестьяне: возились с зерном. Завертелась жизнь.

Самый младший из братьев, Михаил, служил приказчиком в Каргине у того же самого, год от года богатеющего купца Лёвочкина и открывать собственное дело пока не спешил.

Поймать торговую удачу за хвост было делом не столь простым. Конкуренция росла, мир менялся.

* * *

Станица Вёшенская, хутора Кружилин, Каргин, Плешаков – селения, где происходит основное действие романа «Тихий Дон».

У незнакомого с этой географией читателя может создаться ощущение, что роман охватывает огромные пространства.

На самом деле действие в трёх с половиной томах из четырёх происходит на, образно говоря, пятачке – за несколько часов можно объехать по кругу, если на хорошей машине.

Именно там, на этом пятачке, жили, трудились, вековали свой век Шолоховы.

Именно на этом пятачке жили, трудились, вековали свой век Мелеховы.

Это – верховья Дона, земля казачья.

Выше по Дону – Воронеж, русская губерния. Ниже – Ростов-на-Дону, место зарождения казачества.

Верховые донские казаки отличались не только от запорожских яицких или терских, но имели свои различия с донскими низовыми казаками.

На верховье сохранились с большой Россией куда более близкие связи. Верховые и внешне были едва отличимы от жителей южнорусских губерний. Низовые же от верховых отличались и внешне (куда чернявее), и речью, и крепче поднакопили особого казачьего гонора.

Если в XVII веке низовые казаки в своих письмах московским государям спокойно именovali себя русскими людьми, ушедшими казаковать, то со второй половины XVIII века началась другая история – завершившаяся, в числе прочего, Гражданской войной. Те из домовитых казаков, что претендовали на дворянство, рисовали себе небывалые родословные, что объяснимо: мужицких потомков в дворяне не брали. Так зарождалась ненаучная мифология о древнейшем происхождении казачества.

В основе неприятия большевизма на Дону имелась в числе прочего сепаратистская подкладка: низовые казаки постепенно приучили себя к мысли, что они – отдельный народ и с москалями им не по пути, тем более если это ещё и большевики.

Выбор, который сделал Михаил Шолохов в годы Гражданской, имеет во многом родовое объяснение. Всерьёз оказавшийся на уровне сознания и повадок, он вместе с тем твёрдо помнил, что его предки – русские. Всем существом разделяя трагедию казачества, равнять себя с низовыми казаками он всё равно не мог.

О себе молодой Шолохов писал: «Отец – разночинец, выходец из Рязанской губернии», – что было по факту верно, но, строго говоря, не учитывало важных подробностей.

Двести лет назад пушкари Шолоховы отвоёвывали последние рубежи донской земли у крымских татар и турок.

Без малого сто лет прошло с тех пор, как прадед Шолохова впервые объявился на Дону с торговыми делами.

Дед Шолохова, как мы помним, обжился на Дону, став донским купцом. Бабка – обжившаяся на Дону купеческая дочка, причём Моховы появились там ещё раньше Шолоховых.

Отец действительно родился в рязанском Зарайске, потому что мать его решила рожать там, – однако сразу после родов они вернулись в станицу Вёшенскую: так что никакой он не «выходец». На Дону вырос, отучился, стал приказчиком, а затем и хозяином своего дела.

Рязанский род Шолоховых давно и намертво врос в донскую землю.

Будущий писатель был донской в той степени, что имел право о себе говорить «коренной». И если потянуть эти корни – огромные глыбы донской истории можно выворотить.

Михаил Шолохов являлся безусловным носителем родовой донской памяти протяжённостью более столетия.

Зачем же так писал о себе?

Едва ли он мог представиться иначе: коренной донец, внук донского купца, отец – хуторской лавочник... Жестокая была бы бравада по тем временам. Чтоб лишних вопросов не возникало, Шолохов существенно опростил своё происхождение.

Но здесь мы поставим зарубку и запомним: Шолоховы на Дону – свои, а не понаехавшие. Шолоховские и моховские богатейшие в округе дома в центре станицы Вёшенской – тому порукой.

* * *

В Кружилине Александр Михайлович Шолохов поначалу жил одиноко, скромно, деятельно. Лавка его с разнообразными товарами располагалась в пристрое – десять шагов от дома. Торговать сам хозяин становился только в предпраздничные дни, когда наблюдался наплыв покупателей. В остальное время оставлял лавку открытой: хуторяне брали необходимое либо в долг, либо оставляя деньги на прилавке.

Никто не воровал; на Дону воровство не прощалось; а пришлым сложно было б украсть – любого человека, идущего за покупками, кто-то да видит: в хуторе всяк всякого знал.

Помимо шолоховской мануфактурной лавки, в Кружилине имелась ещё одна – мясники Екатерины Обоймаковой, из тех самых Обоймаковых, что стали родней Петру, родному брату Александра.

На сохранившихся фотографиях Александр Шолохов – спокойный, кажущийся чуть меланхоличным человек. Лишённый тех явных, свойственных русскому купечеству примет волевого, нерушимого характера – скорее интеллигент. Тем не менее в станице он прижился и уважение имел. Был добр и отзывчив. Казаки говорили о нём: «Ить не казак, а до чего ж умный и говорит шутейно, всё с присказкой». (Сын, создатель образов балагура Прохора Зыкова и деда Щукаря, здесь уже понемногу просматривается).

Но скоро стало ясно: хоть и славный человек Александр Михайлович, а хватка у него не отцовская – до купеческого звания не вытянет. Пробовал закупать и перепродавать скот – остался в убытках. Скупал землю – высаживал урожай, снимал урожай, продавал – снова едва сводил концы с концами.

Семьи не имел. Приятельствовал с немолодой уже соседской помещицей Анной Захаровой Поповой. Жила она на хуторе Ясеновка: десять километров на запад от Кружилина. Александр Михайлович заезжал к ним и по делам, и на праздники. Интеллигентные люди – есть о чём поговорить.

Служила у той помещицы в прислугах бойкая баба в прислугах. Звали её Анастасия Даниловна Черникова. Была она 1871 года рождения – уже за тридцать, по тем временам битый товар, перестарка, но всё ещё видная, ловкая, заметная.

Это – будущая мать писателя Шолохова.

Традиционно встречу Александра и Анастасии описывают на кинематографический манер: явился как-то к помещикам Поповым по своим делам молодой, симпатичный, щеголевато одетый знакомец; ему глянулась прислуживающая за столом горничная, а он приглянулся ей.

Едва ли Александр мог очаровать чужую горничную – скорее бы сам угодил в силок. Видный, неженатый, как сегодня бы сказали, «предприниматель» был завидным женихом. Тем более что и Александру давно пора было остепениться – ему, между прочим, было уже за 35.

Однако тридцатилетняя горничная точно была ему не парой.

* * *

В своё время помещик Иван Алексеевич Попов получил украинских крепостных в благодарность за участие в войне 1812 года и в числе 25 малороссийских семей привёз из-под Чернигова супружескую пару Черниковых. В украинской транскрипции фамилия их была Чорняк.

С тех пор Чорняки так и жили при помещиках Поповых. Когда крепостное право отменили, Чорняки, поименованные на русский лад Черниковыми, остались служить прежнему хозяину уже по найму.

Ивана Алексеевича сменил его сын Евграф Иванович, проживший до 1878 года. Наследником его стал молодой барин Дмитрий; две старшие дочери Евграфа Ивановича из поместья съехали. Отец Насти Черниковой, Данила, работал в усадьбе садовником, мать – прачкой; у нее имелись два брата, Герасим и Гаврила.

Местные запомнили, что отец «размовлял»: будучи малороссом, он сохранил свой язык, несмотря на то что семья его жила на Дону уже более полувека. Это, впрочем, было несложно, потому что переселенцев с Украины в этих местах проживало множество и держались они от казаков наособицу, соблюдая свои традиции.

Что до Настиной матери, то она, скорее всего, имела сильную татарскую примесь. Жители Ясеновки запомнили её своеобразную манеру говорить: неразборчивая скороговорка, харак-

терная для татарских женщин, и даже восточный акцент. Родословная Чорняков-Черниковых неизвестна, мы лишь можем предположить, что, например, бабка Анастасии была татаркой.

Настя работала у Поповых с 1883 года – сначала девкой на побегушках, потом горничной. Хуторяне запомнили её как частушечницу и певунью. Часто она пела украинские песни. То есть жила на казачьем Дону, работала на русских помещиков, кровь несла в себе татарскую – а песни любила малороссийские. Запомнили, как прочувствованно исполняла она «Реве та стогне Дніпр широкий» на стихи Тараса Шевченко – при всём том, что никакого Днепра не видела никогда.

Традиционно сообщают, что Анастасия была красавицей – но, пожалуй, нет. Сколько ни вглядывайся в её фотографии – видишь волевою женщину, пусть с правильными чертами лица, но лишённую женственной мягкости и зримого очарования. Большеголовая, с явственной примесью восточного в облике. Может быть, и Чорняками их называли оттого, что смуглокожие?

Отец Анастасии Данила умер во второй половине 1880-х. Братья, пережившись, отделились. Настя жила с матерью вдвоём в бедном саманном курене. Ей давно было пора замуж. У Насти случались к тому времени близкие связи с хуторскими. На неё начал засматриваться молодой барин Дмитрий, и Настя откликнулась.

Хозяйка усадьбы, помещица Анна Захаровна, вскоре прознала про их связь, но опоздала: выяснилось, что Настя уже беременна. Решение было принято стремительно: Анна Захаровна решила подыскать своей горничной другое место, а то родится наследник от прислуги – и куда ж его девать?

Ни о чём не подозревавший Александр Михайлович Шолохов в Ясеновке тогда уже появлялся, но едва ли был посвящён в сложную семейную проблему.

* * *

Соблазнённая служанка в помещичьем доме – один из сюжетных поворотов романа «Тихий Дон»: когда Акси́нья в отсутствие Гришки Мелехова сходится с помещичьим сыном Листницким.

Здесь – тот же поворот.

Свою семейную, родительскую, материнскую историю в тайне держал под сердцем Шолохов, рассказывая про барина Листницкого и служанку Акси́нью.

Анна Захаровна вызвала к себе сначала Настину мать, а потом и её саму. Уговор был прост: «Есть, милая, для тебя пара – Степан Кузнецов из станицы Еланской: вдовец, старик, живёт при полном достатке – а бабы у него нет: пойдёшь за него. Муж твой помрёт, и войдёшь в права наследства – заживёшь, наконец, не в горничных, а своим хозяйством».

Черниковы согласились.

Старику Кузнецову, – в некоторых бумагах он значился как Стефан – было... около сорока пяти лет. О том, что невеста беременна, ему, судя по всему, не сообщили. Однако скорость, с которой был устроен брак, предполагает приданое, которое помещица положила за свою горничную.

Муж Анастасии был из атаманцев. Так называли казаков, служивших в легендарном гвардейском Атаманском полку, охранявшем императорскую семью. Отбирали туда призывников видных, высоких, готовых к муштре и к беспрекословному подчинению. У Шолохова в самом начале «Тихого Дона», впроброс сказано об одном герое (казак Христоня): «Дурковатый, как большинство атаманцев». Всякий раз, когда на страницах этого романа является новый герой из числа атаманцев, можно заранее быть уверенным: человек небольшого ума. За женой деда Щукаря в «Поднятой целине» тоже ухаживал атаманец – и Щукарёв едва не убил его завёрнутой в полотенце трехфунтовой гирькой.

Венчались Степан и Настя в Еланской церкви; второпях сыграли несчастливую свадьбу. Так Анастасия Даниловна Черникова стала Кузнецовой и приобрела новый социальный статус: из крестьянок перешла в казачки.

Узнав вскоре о беременности жены, Кузнецов без труда смог догадаться о подоплёке и поспешного обустройства свадьбы, и щедрости помещицы. С тех пор он бил жену нещадно. Спустя восемь месяцев родилась девочка – и вскоре умерла. Других детей они не нажили.

Кого из шолоховских героев мы неизбежно видим за всей этой историей?

Да конечно же Аксиныю и мужа её Степана Астахова: Шолохов даже имя не изменил.

Аксиныя, как мы помним, тоже вышла замуж «нечестной» девкой (её изнасиловал отец).

Степан тоже избивал жену.

Детей у неё со Степаном быть не могло, в чём она сама призналась позже Григорию Мелехову.

Атаманцев Шолохов на дух не выносил всю последующую жизнь. Материнскую историю он знал. Трёхфунтовой гирькой деда Щукаря он и спустя многие годы с оттягом бил по голове атаманца, словно бы мстя за материнские муки и смерть своей сводной сестры.

* * *

На развод подать Анастасия не могла: брак тогда мог быть расторгнут только формальным духовным судом в случае доказанного прелюбодеяния супруга. Более того, иск о расторжении брака мог быть предъявлен только через три года после совершения брака.

Однажды Анастасия – теперь уже Кузнецова – не выдержала жуткой своей жизни и сбежала. Деваться ей было некуда – явилась обратно к матери, в имение помещиков Поповых.

Дмитрий Евграфович Попов к тому времени женился, взяв в жёны казачью вдову Марию Фатинскую, по крови – полячку.

Женив сына, старая помещица Анна Захаровна Попова уехала к дочери Софье в станицу Вёшенскую.

Анастасию приняли в старый помещичий дом на работу. Дмитрий чувствовал вину перед ней и, насколько мог, скорбел о погубленной дочке. Но раз ребёнка больше нет – что ж гнать Анастасию: никакого вреда от неё не предвидится, баба и баба.

Здесь неизбежно вспоминается ещё один сюжетный поворот «Тихого Дона»: когда молодой помещик Листницкий, после нескольких лет войны, привозит к себе в поместье вдову, на которой женился. Дома он застаёт Аксиныю, с которой ранее имел связь. Аксиныя, напомним, согласно сюжету романа, совсем недавно схоронила маленькую дочь.

Листницкому, конечно же, неудобна создавшаяся ситуация. Он желает Аксиныю удалить, но, мучимый некими представлениями о чести, никак не может на это решиться. Аксиныю деваться некуда: ведь Григорий, не простив измены, оставил её. Не к мучителю Степану же ей идти?

Романные коллизии «Тихого Дона» детально воспроизводят реальную ясеновскую историю. Здесь и бывшая любовница в качестве горничной, и осваивающая новый дом молодая жена, которая на самом деле далеко не молода, а брак у неё – второй. Жена ещё ни о чём не подозревает, но донести ей о прежних прегрешениях барина досужие люди могут очень скоро.

Жизнь Анастасии Кузнецовой можно было считать законченной – беглая жена, не имеющая ни достатка, ни надежды на развод – Кузнецов, которому не исполнилось ещё и пятидесяти, вполне мог прожить ещё четверть века, а то и больше.

Барин Дмитрий хоть и не гнал бывшую любовницу, но неуместность проживания в Ясеновке была очевидна в первую очередь для неё самой.

* * *

И здесь вновь появляется Александр Михайлович.

Он сдружился с Дмитрием Евграфовичем. Много позже отзывался о нём как о человеке вдумчивом, образованном, читающем, никакого ревнивого чувства к нему не затаил. Некоторое время Шолохов даже работал в усадьбе Поповых управляющим.

Мы не знаем, была ли у Анастасии и Александра связь до её замужества с атаманцем Кузнецовым, но вскоре после её возвращения в усадьбу они уже начали встречаться. Дмитрий Евграфович, естественно, был очень даже не против.

Для свиданий с полюбившейся ему женщиной Александр Михайлович снял комнату в хуторе Чукарине – четыре версты от Ясеновки. Попов служанку отпускал с лёгким сердцем: пусть, пусть – может, сладится чего у них, а то, не ровён час, Фатинская обо всём узнает. Стыд-с.

Вскоре Анастасия забеременела. Для Шолохова связать жизнь с ней – значило обрушить порядок вещей. Стать причиной сословной катастрофы.

Помните, в первой книге «Тихого Дона», как печалится отец Григория Мелехова, Пантелей Прокофьевич, узнав о связи сына с Аксиньей:

«— Гришка наш, эх!.. – Старик горько закрутил головой. – Подковал он нас, стервец... Как ладно зажили было-к...»

К 1904 году Александр Михайлович уже схоронил отца. Но в роли Пантелея Прокофьевича выступила мать, Мария Васильевна – человек жёсткой воли и замечательного упрямства. Между сыном и матерью случился разрыв. Она отказала ему не просто в благословении, а в любой помощи и отлучила от дома.

Казалось бы, Александра могли понять его братья и сёстры. С ними вырос он под одной крышей, деля хлеб, досуг, радости и горечи. Все теперь были уважаемые и приличные люди. Но и у них он не нашёл понимания. Ведь он собрался жить с чужою венчанной женой! К тому же ещё и бывшей любовницей помещика, у которого работал! Неслыханное дело. В сущности – позор для всей семьи.

И всё-таки он решился. Велел любимой женщине собирать вещи и однажды перевёз её к себе в Кружилин. Заселилась она с ним в качестве служанки. Хотя от кого ты что скроешь – через месяц у служанки живот уже появился: гляди-ка, чего себе выслужила!

Зажили незаконной семьёй, оскорбив тем самым – в патриархальном и строгом сословном мире – и купеческую честь, и казачьи устои.

Никто из старшего поколения Шолоховых и Моховых Александра Михайловича больше в домах своих не принимал. В любых визитах ему было отказано. Родовой шолоховский дом – крупнейший в станице Вёшенской – выкупил родной брат Марии Васильевны, двоюродный дед Михаила Шолохова – купец Мохов. Мария Васильевна теперь жила с братом. Там могли собираться все шолоховские дети со своими семьями – но не Александр.

И здесь мы понимаем, за что писатель Шолохов в известном смысле мстил Моховым, описывая их в ничтожном виде под собственной фамилией. Он не испытывал никакого пиетета ни к своей купеческой фамилии, ни к моховской зажиточной родне по одной элементарной причине: ни с ним, ни с его отцом, ни с его матерью никто и не роднился. А чужих, злых, спесивых людей – и жалеть нечего.

Братья общались с Шолоховым только втайне от матери. Если, сугубо по делам, кто-то из них наезжал в Кружилин, брюхатую экономку в упор не замечали. Скомканно простившись, братья отбывали, не прельщаясь застольем. Встретив Александра где-то за пределами хутора, свистящим шёпотом старший, пьяный брат Николай нашептывал: «Саша, ну как же? – она ж жила в своей Ясеновке и с барином, и бог знает с кем, – как ты можешь так?» – «Я тебя сейчас

ударю, брат», – «Ну, Бог тебе судья. А в дом с нею не пушу к себе. Сам приезжай. С горничной – нет».

Кружилинский старожил Иван Матвеевич Чукарин рассказывал потом: «Ды чё там говорить, не пошла она жизнь поначалу ни у Анастасии Даниловны, ни у Александра Михайловича. Чужая семья – потёмки...»

Иван Матвеевич всего дотошным краеведам не рассказывал – а ведь знал наверняка куда больше. Мог бы вспомнить, как вскоре после приезда экономки кружилинские соседи впереводку меж собой судили: Кузнецова Анастасия – она чьего ребёнка носит? Ясеновского барина, еланского атаманца или лавочника нашего Шолохова?

Помните, как в «Тихом Доне» Шолохов пишет про падшую Аксиныю: «Будто кто отметину сделал на её лице, тавро выжег. Бабы при встрече с ней ехидно ощерялись, качали головами вслед...»

Мать! Её он описывал!

Вопрос о прототипах Григория Мелехова занимал многих, и к нему мы ещё вернёмся, а вот про Аксиныю почему-то никогда серьёзного разговора не велось: чья же судьба взята была за основу её образа. В советском шолоховедении, тем более при жизни Шолохова, на такой разговор никто б и не решился. Но едва ли у нас есть необходимость это скрывать.

Одно лишь неясно: кто ж всё-таки решился расписать в подробностях подростку Михаилу историю его матери? Не отец точно. Сама ли мать на такое пошла? Или по разговорам, по крупницам, по обмолвкам он собрал картину?

Есть в «Тихом Доне» один персонаж – старый конюх, живущий при Листницких и рассказывающий вернувшемуся с фронта Гришке Мелехову тяжёлую правду про загулявшую с молодым баринком Аксиныю.

Шолохов ведь тоже, когда вырастет, будет в ясеновской усадьбе частым гостем.

Не тот ли старый конюх ему всё и поведал?

* * *

Дом в Кружилине был самый обычный: мазанка, крылечко с тремя деревянными рассохшимися ступеньками, окошки за крашеными ставнями, крытая камышом крыша. Внутри простая обстановка. Две комнаты вверх и, полуподвальная, самая холодная летом, самая жаркая зимой комната на «низах». Все казаки в таких куренях жили издавна, и устройство жилищ почти не менялось столетиями.

Колодец с журавлём во дворе. Возле дома – крытая лавка с товаром, обращённая к улице. Если зайти – вдоль тёсаных стен полки с товаром. Одежда – мужская: шинели, папахи, полушубки, сапоги, шаровары, простые рубахи и рубахи с погонами. Женская: шали, косынки, платки. Ларцы с заколками, расчёсками, брошками. Ткани; кожа сыромятная и выделанная; посуда; утюги, самовары; упряжь, подковы и ухнали (гвозди). Хлеб ржаной и пшеничный, мука, икра, рыба, птица, говядина, баранина, телятина. Огурцы, дыни. Масло, сахар, кофе, спички, крахмал, папиросы, печенье, конфеты, бисквиты.

Годовой оборот в шолоховской лавке составлял 600 рублей в год, чистая прибыль в тот же срок – 60 рублей. Средняя зарплата в России составляла тогда 24 рубля, и на пять рублей в месяц Шолоховы разжиться точно не могли. Даже если поданные в соответствующие службы данные не вполне соответствовали реальной картине, говорить про хоть сколько-нибудь обеспеченную жизнь Шолоховых не приходится. При хорошем доходе с лавки Александр Михайлович не хватался бы то за одну, то за другую работу.

Причина слабого оборота была ещё и в том, что хуторяне Шолоховых чурались – как «стыдной» семьи – и отовариваться предпочитали в лавке купцов Обоймаковых.

Поначалу Анастасия пыталась торговать сама, но на неё смотрели так, что хоть не являйся на люди. Пожилой казак, заглянувший за товаром, мог плюнуть и сразу уйти, а иная казачка, разглядывая экономку во все глаза, с деланным сочувствием спрашивала шёпотом: а дале-то как будете жить? А законный муж-то чего? А, не серчай за спрос, соседка, дитя-то чьё?

Коллизия эта заставляет вспомнить ещё и сюжет «Анны Карениной» – только на донской почве. Как и Каренина с Вронским в петербургском обществе, Михаил и Анастасия никак не могли быть приняты хуторским миром. Разве что на хуторе ещё хуже, чем в городе, – здесь от соседских глаз не спрячешься, заборов и тех нет – плетни.

На хуторских праздниках вдвоём не появлялись они никогда.

Шолоховские родители были набожными; в хуторе стоял храм 1885 года постройки – но и туда ходили отдельно.

Анастасия мучилась и плакала от обиды на жизнь.

Александр тогда начал выпивать – запойно, тяжело.

И тем не менее именно их выбрал Бог для рождения небывалого ребёнка.

* * *

24 мая 1905 года, в день празднования памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, у живущих вне брака Александра Михайловича Шолохова и Анастасии Даниловны Кузнецовой родился сын.

Матери на тот момент было 35, отцу – 40.

Роды приняла кружилинская повитуха.

Мальчик родился большеголовый, а тельце маленькое; глазки навывкате.

Положили его в казачью люльку. Спели казачью колыбельную.

Крестили в Кружилинской Никольской церкви.

Назвали Михаилом в честь святого князя Михаила Муромского и деда. В переводе с еврейского Михаил означает «кто как Бог».

Имя это воспринималось в шолоховской семье как несущее силу рода. Называя так сына, Александр надеялся на снисхождение родни. Однако на крестины шолоховские братья и сёстры не приехали. Была лишь мать Анастасии.

Родившийся поперёк правил мальчик фамилию получил по законному мужу матери – Кузнецов – и соответствующее отчество – Степанович.

Михаил Степанович Кузнецов.

По формуляру дитя записали в казачье сословие, потому что законный отец его являлся казаком.

Шолоховская родня свой отказ являться на крестины могла объяснить просто: с чего бы им праздновать рождение какого-то Кузнецова, сына Степанова? С какими лицами сидеть за праздничным столом?

Здесь ставим другую глубокую зарубку: мальчик явился на свет незаконным. С будто подворованным у достойного купеческого рода именем, чужим отчеством и не своей фамилией.

В этом видится нам какой-то болезненный, на всю его жизнь напоздший знак судьбы.

* * *

В автобиографии Шолохов будет уклончиво писать, что мать его «полукрестьянка, полуказачка» – что, конечно, не так. Переходя в иное сословие, человек не мог оставаться «полу»-прежним. Если ты из пушкарей стал купцом, то ты купец, а не полукупец-полупушкарь. Если из крестьянской семьи стал священником – ты лицо духовного звания, а не полукрестьянин.

Мать родилась холопкой, а выйдя замуж, стала казачкой. Никаких «полу-». И рождённый ею мальчик был казаком, хоть и не было в нём ни капли казачьей крови.

Ребёнок рос.

Отношение шолоховской родни ранило Анастасию. Их все сторонились. Им никто не помогал. Они выбивались из сил, добывая насущный хлеб.

Она хотела, чтоб Александр Михайлович как-то исправил это – но что он мог?

Несколько раз Анастасия Даниловна порывалась собрать вещи, уходила. Муж возвращал её с полдороги: да и куда теперь ей было идти? На паперть? Так и там будут сторониться, жалеть копеечку.

Эта стыдная, ничтожная, непризнанная жизнь изводила её.

В раннем рассказе Шолохова «Двухмужняя» описана схожая с материнской коллизия – у главной героини есть законный муж и есть незаконный. Законному, словно бы путая следы, Шолохов даёт имя своего отца – Александр. Героиню снова зовут на «А», как Анастасию и Аксиныю, – Анна.

Законный однажды является.

«Думала Анна, что вот сейчас повалит наземь, будет бить коваными солдатскими ботинками, как в то время, когда жили вместе, но Александр неожиданно стал на колени в сырую пахучую грязь, глухо сказал, протягивая вперёд руки:

– Аннушка, пожалей! Я ли тебя не кохал?»

Степан Кузнецов действительно несколько раз возникал, неожиданный, возле их кружилинского дома. Грозил написать жалобу наказному атаману в Новочеркасск, а то и в Святейший синод.

Анастасия выходила к плетню, неумолимо отвечала: пиши, куда хочешь, жить с тобой не стану.

В ней был характер! Это упрямство она передаст сыну.

После отъезда Кузнецова на хуторе с новой силой возобновлялись споры-разговоры: значит, всё-таки его дитя, еланского атаманца?..

* * *

Едва ли не первое, что заметил, подрастая, Миша – тогда ещё не Шолохов, а Кузнецов, – несхожесть их жизненного уклада с жизнью остальных хуторян.

У всех отец и мать – и у него вроде есть. Но у всех как положено, а у него родители – не муж и жена, а живут обманом, и сам он числится сыном пожилого казака, которого в глаза не видел.

Всё, что связано с несправедливой любовью, легшей в основу «Тихого Дона», – человеческие страсти, пересуды, склоки, – составляло пространство его детства.

Стыдная мука, не имеющая конца, – жизнь Григория с Аксиной, – была жизнью его родителей.

По-уличному Шолоховых прозывали «татарчуки». В этом слышится лёгкое пренебрежение и к Мише, и к его матери. Это на Нижнем Дону перемешавшихся когда-то с турчанками и татарами казаков было множество. Низовое казачество сформировалось примерно на век раньше, чем верховое, – ещё в XVI веке. В течение более чем ста лет, вплоть до конца XVII-го, низовые казаки брали в жёны турецких, персидских, крымских, ногайских, греческих, еврейских полонянок, и это сказалось на внешнем облике низового казачества. Чёрный волос их курчавился, орлиные носы встречались через раз. Во времена Петра Великого казацкие набеги запретили, а потом и Крым стал русским, и огромные пространства Кавказа отошли к России. С тех пор лет двести казаки ни с кем особенно не смешивались. Однако то давнее, жгучее, южное вливание нет-нет, да и пробивалось сквозь поколения.

Если б Шолоховы жили на Нижнем Дону, на их татарские черты и внимания б не обратили; но на Верхнем это бросалось в глаза. Верховые казаки были русые, голубоглазые – предки их вышли с рязанских, воронежских, тамбовских краёв и с полонянками перемешаться не успели.

Дед Григория Мелехова Прокофий привёз с Крымской войны турчанку: в XIX веке это был беспрецедентный случай, так уже никто не делал. Поэтому, когда на хуторе начался падёж скота, во всём обвинили мелеховскую полонянку. Явившись к дому Мелеховых, казаки убили её.

Внук турчанки – Гришка Мелехов – был бусурманистый на вид. И семья их, как мы помним по роману, носила прозвание «турки».

Татарчуки и турки: Шолохов в «Тихом Доне» не скрывает своеобразного родства их семьи с мелеховской. Шолоховская и мелеховская чернявость – очередная примета инаковости.

В каком-то смысле мы наблюдаем дважды воспроизведённую классическую историю о «гадком утёнке».

Едва не убитый в животе матери казаками-хуторянами отец Мелехова Пантелей рождает идеального казака – Гришку.

Носивший чужую фамилию и чужое отчество, по рождению – казак, по факту – сын лавочника, вынужденный стесняться собственной, живущей несправедливой жизнью матери, стал главным певцом и символом казачьего Дона.

Коллизия мелеховской судьбы растворена в судьбе шолоховской. Да и сама фамилия «Мелехов», конечно же, создана на перекличке двух шолоховских родов: Моховых и Шолоховых. Покрутите на языке, попереставляйте буквы – и скоро получите искомое: Моховы, Шолоховы, Молоховы – и вот уже Мелеховы.

Фамилия «Мелихов», через «и», добавим, на Дону тоже имела хождение. Но в данном случае это второстепенно. Не важно, какие там имелись фамилии, – важно почему писатель выбрал своему герою именно такую.

* * *

Одна из сестёр отца – Ольга Михайловна, в замужестве Сергина, – после смерти своего мужа, вёшенского фельдшера, осталась вдовой с двумя сыновьями. Александр Михайлович забрал её с детьми к себе.

Нельзя не оценить широту и силу характера шолоховского отца. Никакого достатка они так и не нажили, в доме и самим было не слишком просторно, но вот поди ж ты – первым и единственным из всех семерых сестёр-братьев пришёл на помощь. Он даже предложил сестре усыновить её детей: раз уж Мишу не могу записать по закону как своего, так хоть племянниками по-отцовски разбогатею.

Здесь могла таиться и нежданная радость: наконец-то хоть кто-то из родни окажется возле, рядом, в одной семье – может, и Настя перестанет так горевать о своей незаконной юдоли.

Пока Ольга Михайловна не определилась с работой, они прожили вместе под одной крышей больше года. Тётка Оля станет едва ли не самой любимой у Миши, а старший её сын Саша был при маленьком Шолохове нянькой.

Много позже Александр Иванович Сергин вспоминал: «Излюбленной игрой хуторских ребятишек, маленьких казачат, было сражение у стен Порт-Артура. Соберёмся, бывало, у Голого лога, у оврага, на дне которого протекает ручей, и разобьёмся на два отряда – по одну и по другую сторону лога».

Кидались голышами, деревянные пики метали – суровые были забавы.

Миньке делали окопчик, чтоб в пылу битвы самого малого не повредить. Но тот никогда не мог усидеть на месте. Маленький Шолохов, вспоминал Сергин, бился с недетской какой-то яростью, являя удивительную, не по годам смелость.

В играх мещанские, купеческие, поповские, казацкие дети не делились: среда жизни была единой.

Иные фрагменты детства можно выловить в шолоховской прозе.

«И нечаянно вспомнилось Григорию, как вместе с Петром в детстве пасли они в степи индюшат, и Петро, тогда белоголовый, с вечно облупленным курносом носом, мастерски подражал индюшину бормотанью и так же переводил их говор на свой детский, потешный язык. Он искусно воспроизводил писк обиженного индюшонка, тоненько выговаривая: “Все в сапожках, а я нет! Все в сапожках, а я нет!” И сейчас же, выкатывая глазёнки, сгибал в локтях руки, – как старый индюк, ходил боком, бормотал: “Гур! Гур! Гур! Гур! Купим на базаре сорванцу сапожки!” Тогда Григорий смеялся счастливым смехом, просил ещё погутарить по-индюшину...»

Такое ж не придумаешь! Подсмотрел.

* * *

Однажды, сумев подзаработать, отец привёз в Кружилин граммофон и пластинки с военными маршами. Вынес его на улицу и непрестанно включал. Самые суровые соседи смиростились, явились посмотреть на диковину. Некоторое время возле шолоховского куреня толпилось множество народа, опасливо заглядывая в граммофонную трубу.

Музыка с малого детства – любовь и огромная сердечная привязанность Михаила. За кружилинским майданом жил старик, игравший на скрипке – привёз когда-то с балканского похода, и сам самоучкой овладел инструментом. Мишка постоянно бегал к нему с ребятей – упрашивал старого казака поиграть. Просил дать подержать скрипку – бережно касался струн. Мечтал о такой же.

Ну и, конечно же, казачья песня – она звучала повсюду, неизменно сопровождая праздники, любые работы, дни скорби.

«Тихий Дон»: «Бывало, едут с поля, прикрытые малиновой полой вечерней зари, и Степан, покачиваясь на возу, тянет старинную песню, тягуче тоскливую, как одичавший в безлюдье, заросший подорожником степной шлях. Аксиныя, уложив голову на выпуклые полукружья мужниной груди, вторит. Кони тянут скрипучую мажару, качают дышло. Хуторские старики издалека следят на песней:

– Голосистая жена Степану попала.

– Ишь ведут, складно».

С натуры писал Шолохов:

«Неярко, но тепло светило солнце. От Дона дул свежий ветерок. На углу, во дворе Архипа Богатырёва – большого, староверской складки старика... бабы пели дружными, спевшимися голосами. Старшая сноха, вдовая Марья... веснушчатая, но ладная казачка, заводила низким, славившимся на весь хутор почти мужским по силе и густоте голосом:

...Да никто ж так не страдает...

Остальные подхватывали и вместе с ней в три голоса искусно пряли эту бабью, горькую, наивно-жалующуюся песню:

...Как мой милый на войне.

Сам он пушку заряжает,

Сам думает обо мне...»

Немногим позже, самоучкой, Шолохов выучится играть на гитаре, а затем разучит несколько вещей на мандолине и на пианино.

Он оказался одарённым к музыке – хотя донские казаки, в отличие от запорожских, музыкальные инструменты почти не использовали, и музыканты среди них были крайне редки.

Быть может, этим своим стремлением и навыком Миша пошёл в дальнюю и неизвестную материнскую родню из Малороссии.

В колыбельной, которую Дарья поёт на первых страницах «Тихого Дона», будто бы заключено всё содержание и самой книги, и всей эпохи, вся череда трагедий, что грядут неотвратимо.

«– Колода-дуда, / Иде ж ты была? / – Коней стерегла./ – Чего выстерегла? / – Коня с седлом, / С золотым махром... / – А иде ж твой конь? / – За воротами стоит. / – А иде ж ворота? / – Вода унесла... / – А иде ж вода? / – Гуси выпили. / – А иде ж гуси? / – В камыш ушли. / – А иде ж камыш? / – Девки выкосили. / – А иде ж девки? / – Девки замуж ушли. / – А иде ж казаки? / – На войну пошли...»

В других вариантах этой колыбельной и того страшнее: «– Где мужья? / – Померли. / – Где их души? / – На небе. / – Где небо? / – У Бога».

Всё исчезнет, не останется ничего: только Бог. Но голос матери над колыбелью вдруг вытянет оборвавшуюся нить жизни. Ребёнок ухватится за ту нить цепкой ладошкой и выберется на белый свет.

Когда гадают о том, какую школу успел получить совсем юный Шолохов, подступившийся к огромному, неслыханному, необъятному роману, надо начинать не с его гимназий, а с казачьей песни, услышанной им.

Мало кто из числа русских классиков не просто слышал русскую песню – от нянь, от мужиков и баб на покосе, – но как бы и жил внутри этой песни изо дня в день. А Шолохов именно так и рос. Песни словно бы создавали, крепили, строили его сознание.

Из казачьей песенной мифологии он вынес первый и неохватимый урок: всё предопределено, боли нет предела, но свой путь надо пройти.

* * *

Отец начал допиваться до белой горячки. Пугал своего казачонка, изводил Анастасию Даниловну.

Протрезвев и выйдя из запоя, Александр Михайлович брался за голову. Поскорее старался выправить посыпавшиеся дела, но с каждым разом прорехи в семейном бюджете были всё больше. Легальных способов залатать их почти не оставалось.

Однажды он оказался на урюпинской ярмарке. Привычно не рассчитавший толком торговых своих возможностей, Александр Михайлович сыграл в купца: набрал у местных под вексель множество разного товара. Прошёл месяц, два, три, истекли все сроки платежа по векселю – а платить было нечем. В итоге к Шолоховым нагрянули разом из Вёшенской хуторской атаман, акцизный чиновник и полицмейстер.

Александра Михайловича гости застали в состоянии почти невменяемом. То ли он был тяжело пьян, то ли с дичайшего похмелья, то ли переживал нервный срыв.

Ему грозило тюремное заключение.

Предупредив господина Шолохова о последствиях, грозные гости отбыли. Едва придя в себя и еле сумев запрячь в повозку лошадь, Александр Михайлович бросился по родственникам: дайте денег. Но, видимо, речь шла о слишком больших суммах – и его не смогли выручить.

Что оставалось делать?

Всё продать подчистую.

Бросить пить.

Съехать прочь.

Начать другую жизнь.

В 1909 году Александр Михайлович предложил соседу Степану Шутову купить у него в долг дом.

Объяснил, что такая маленькая усадьба ему не нужна.

Этот милый несчастный человек, как мог, старался сохранить лицо. Усадьба его была вовсе не маленькой – имелись, как мы помним, и лавка, и крепкие хозяйственные постройки. Но, стараясь хоть на рубль поднять цену, он продавал свою «маленькую усадьбу» не просто со всей утварью, но даже с детскими игрушками.

Клавдия Степановна Телицына, дочка Шутова, вспоминала: «Мне тогда было 4 года. Мишу запомнила в коротких штанишках, в рубашке с матросским воротничком. Я подошла к нему, взяла его игрушки, а он их стал отнимать. Тут я расплакалась: считала, что игрушки теперь мои. Подошла к нам его мама, Анастасия Даниловна, тихо сказала, чтобы он отдал мне игрушки. И Миша тут же выполнил её просьбу».

Шолоховы съезжали вовсе не для того, чтоб перебраться в большую усадьбу. Они съезжали, чтоб отца не поселили в тюрьме.

Кое-как сторговавшись с Шутовым, в следующем, 1910-м, семья Шолоховых переехала в станицу Каргинскую, тогда ещё хутор Каргин.

С тех пор семья долго будет мыкаться по съёмным квартирам.

В Кружилине они прожили пять лет.

* * *

Лежащий на перекрестье дорог хутор Каргин был основан в 1797 году сотником Вёшенской станицы Фёдором Каргиным и его братом Дементием. На Дону хутора часто носили имена их основателей.

Шолоховы сняли квартиру в самом центре, возле Воскресенской площади: по воскресеньям там собирался базар, отсюда и название.

Брат Александра Михаил Михайлович Шолохов со своей семьёй и сестра – Капитолина Михайловна, в замужестве Бондаренко, – жили неподалёку. Казалось бы, трудное положение Александра и ближайшее соседство могло бы послужить наконец сближению с братьями. Всё-таки пять лет минуло с той поры, как сошёлся он с Анастасией. Но нет, ничего подобного не происходило. К Александру и Анастасии по-прежнему никто не заходил. Маленький Миша дядьёв и тёток и в новом доме не видал.

Сам Александр мог навещать брата Михаила и сестру Капитолину, но сожительницу и мать своего ребёнка брать с собою был не вправе.

В 1912 году Капитолина Михайловна в возрасте 49 лет умерла. Все братья и сёстры, ближняя и дальняя вёшенская родня явились на похороны. Была, скорее всего, и Мария Васильевна – бабушка Миши: так и не признавшая внука. Но и эта трагедия не примирила Шолоховых и Моховых с «экономкой» Черниковой. На поминки Александр сходил один. После поминок к нему в гости – хоть посмотреть, как обжился, – никто не заглянул.

Миша никогда не общался со своей бабушкой. Едва ли он вообще видел её.

Взрослея, он всегда ощущал свою отдельность, надорванность.

Казачество матери – не природное, а будто подворованное у оставленного мужа.

По отцовской линии он купеческий отпрыск – но в настоящего купца отец так и не обратился, навсегда застряв в мещанском сословии. Спасибо хоть в тюрьму не попал.

Дед внука не дождался, бабка его отвергла: не пришлось ему в богатом купеческом доме на перилах покататься.

Ладно – дом, ему даже фамилии от предков не досталось!

Когда-то шолоховские, а теперь моховские хоромы он видел только со стороны, когда с отцом бывал в станице Вёшенской.

Так и Гришка Мелехов на первых страницах «Тихого Дона», наловив с отцом рыбы, заходил во двор к Моховым: опасливо оглядывая чужой, богатый, спокойный быт.

Но и опыт отчуждения – он тоже обогащал этого татарчука, вцепившегося, как репей, в жизнь.

Его называли «нахалёнком» – на Дону это обычное определение безотцовщины, незаконнорождённых. Но здесь значение прозвища усиливал ещё и неуёмный характер мальчика.

Анна Петровна Антипова, жительница Каргина, некоторое время жившая с Шолоховыми по соседству, запомнила показательную картинку. Татарчук постоянно вертелся возле каргинского колодца: «Бывало, только повесят ведро на крюк, глядишь, а Мишка уже сидит на журавле. Прогонят его, только возьмут ведро, а он, сатанёнок, тут как тут – опять сидит и ухмыляется. Уговоры и страдания на него не действовали. Можно было, конечно, поднять его. А вдруг сорвётся да упадёт вниз. Хворостиной прогонят, так он издали смотрит, как бы уловить момент и снова подбежать».

Соседки ругались:

– Всё ему надо, повсюду лезет, балмошный какой!

Позже Шолохов напишет одноименный рассказ, где вспомнит себя мальчонком: «Мишка собой шуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нерастаявшие крупинки речного льда».

Почти никогда не появлявшийся в своей прозе в качестве персонажа или рассказчика, Шолохов раздарил иным героям неисчислимое количество примет собственной жизни.

«Для отца он – Минька. Для матери – Минюшка... А для всех остальных: для соседа-пересудок, для ребятишек, для всей станицы – Мишка и “нахалёнок”. Девкой родила его мать. Хотя через месяц и обвенчалась с пастухом Фомою, от которого прижила дитя, но прозвище “нахалёнок” язвой прилипло к Мишке, осталось на всю жизнь за ним».

Попов сынок, такой же малолетка, говорит Миньке: «Ты мужик, и тебя мать под забором родила!»

Минька зло переспрашивает: «А ты видал?»

Ему в ответ: «Я слышал, как наша кухарка рассказывала мамочке».

Маленький Шолохов вырос под такие речи.

«Мужик»! «Мать под забором родила»!

Сына Григория Мелехова тоже звали Мишкой.

За одну страницу до финала «Тихого Дона» Аксинья говорит Григорию – как про самое важное, о чём, умирая, забыть нельзя: «А Мишатка раз прибегает с улицы, весь дрожит. “Ты чего?” – спрашиваю. Заплакал, да так горько. “Ребята со мной не играют, говорят – твой отец бандит. Мамка, верно, что он бандит? Какие бывают бандиты?” Говорю ему: “Никакой он не бандит, твой отец. Он так... несчастный человек”. Вот и привязался он с расспросами: почему несчастный и что такое несчастный? Никак ему не втолкую...»

Если слово «бандит» заменить на «мужика», или «пьяницу», или любое другое, столь же обидное определение, снова возникнет та самая детская, неумолимая боль.

«Тихий Дон» дописывался в 1940 году. Через целую жизнь Шолохов эту муку пронёс и своему тёзке – Мишке Мелехову – отдал.

Незаконность рождения – та самая болезненная звезда, что неведомой волей взошла над судьбой Шолохова.

Получив небывалый дар, равного которому не было ни у кого, он как начал с детства путь незаконного человека, так во всю жизнь эту беду и протянул.

Беду никак не заслуженную, но намертво подшитую и к жизни, и к таланту, и к судьбе.

* * *

Каргин станет определяющим местом в шолоховской жизни.

Хутор этот – основное место действия в ранних шолоховских рассказах. Под своим именем он встречается во всех четырёх книгах «Тихого Дона», в восьми частях из восьми, в 53 главах: 83 прямых упоминания и 138 опосредованных – включая названия воинских частей по имени хутора (а затем – станицы).

Расположен Каргин на маленькой речке Чёрной, притоке Чира, который, в свою очередь, является притоком Дона. Речка Чир тоже многократно упоминается в «Тихом Доне». Неподалёку от Чира умрёт смертельно раненная ночным часовым Аксинья.

Местные жители, как правило, не умели плавать, на что укажет Гришка Мелехов, когда ему прикажут переправляться на левую сторону Дона: «Казаки с Чиру – не пловцы. Всю жизнь середь степи живут, где уж им плавать».

За хутором высился песчаный курган – он есть и по сей день.

В XVIII главе первого тома «Тихого Дона» есть описание хутора Татарского: «Наталья прошла два переулка и свернула влево. На гору поднималась спеша. На перевале оглянулась назад: внизу лежал залитый солнечным половодьем хутор, белели выбеленные домики, на покато́й крыше мельницы, отражаясь, искрились солнечные лучи, расплавленной рудой блестя жёсть».

Это и есть вид на Каргинский хутор с песчаного кургана.

Вдоль речки в шолоховские времена были вытянуты семь улиц хутора.

Главная улица вела к площади и была в полтора раза шире остальных.

В 1912 году в Каргине имелось 260 дворов и 1707 жителей. Служили четыре священника. Службы в церкви шли на трёх алтарях одновременно.

По численности населения в округе это было третье селение после Вёшенской и Казанской станиц. Для сравнения: в Ясеновке, где жил атаманин Степан Кузнецов, дворов было всего двадцать. Базары в Каргине были самые многолюдные в ближайшей округе.

С 5 по 6-е числа устраивались рынки по продаже скота.

С 1 по 4 мая ежегодного проходили ярмарки.

Шолоховский рассказ «Калоши»: «С окружных хуторов и станиц казаки сгоняют скот, со станции наезжают скупщики, тут же на рыночной площади разбивают купцы дощатые лавки, на прилавках шелестят пахучие ситцы, возле кожевенных лавок бородатые станичники пробуют доброту кожи на зуб, “страдают” карусельные гармошки, на обливных горшках вызванивают горшечники, девки, взлетая на лодочках, визжат и нескромно мигают подолами, цыгане мордуют лошадей, в шинках казаки выпивают “за долгое свидание”. Рынок пахнет мёдом, дублёными овчинами, конским помётом».

На хуторе было открыто 11 торговых заведений.

В 1910 году Каргинский хутор имел наибольший торговый оборот в округе, уступая лишь станице Вёшенской. В Вёшках прокручивалось в торговых заведениях 39 тысяч рублей в год, в Каргине – 13 тысяч.

Александр Михайлович устроился на должность приказчика в лавке владельца торгового дома, купца второй гильдии, шолоховского родственника Ивана Сергеевича Лёвочкина, где уже трудился его самый младший брат Михаил. Ещё до женитьбы, давным-давно, Александр уже был у Лёвочкина приказчиком. И вот как распорядилась судьба – в минувшие десятилетия Лёвочкин только разбогател, а шолоховский отец едва не скатился на самое дно.

Не нажил ничегошеньки.

* * *

Лёвочкин – важное имя в нашей истории.

Предки его, как и Шолоховы, и Моховы, тоже вышли в своё время из Зарайска. Знакомство и соработничество семей Шолоховых и Лёвочкиных сложилось ещё при дедах-прадедах.

Иван Сергеевич Лёвочкин родился в Каргине в 1862 году и был, как мы помним, женат на родной сестре Александра Шолохова Прасковье 1860 года рождения. В своё время Лёвочкину передал все свои доходы местный богатый купец Иван Андреевич Озеров; за это, видимо, Озеров, разбитый параличом, доживал в доме Лёвочкина последние свои дни. Причём доживал так долго, что жена Лёвочкина Прасковья Михайловна умерла (в 1899-м), а Озеров всё тянул и тянул.

В 1910 году Лёвочкин женился во второй раз. От первого брака у него остались дочери, Валентина и Ольга Лёвочкины – двоюродные сёстры Михаила Шолохова. Первая умерла, когда ему было ещё два года. У неё осталось трое детей, которым Шолохов приходился двоюродным дядей, хоть и был их гораздо моложе.

Лёвочкин был известен как благотворитель и являлся почётным гражданином Войска Донского. На сохранившихся фотографиях мы видим благообразного, уверенного в себе, с огромной раздвоенной бородою, отлично, по моде того времени одетого человека. Иные его привычки, впрочем, были весьма своеобразны.

Местные жители вспоминали, как разъезжал Лёвочкин на дрожках и раскидывал кланяющимся ему хуторянам конфеты. На правах попечителя приходил в приходские училища с кувшином, полным опять же конфет. Предлагал ученикам: берите, сколько хотите. Конфеты тогда были редкостью – иные и не пробовали их никогда. Дети, конечно, сразу лезли рукой в кувшин, раз предложили, а он всё посмеивался – тащи, деточка, сколько душа требует. Но горлышко у кувшина было узкое, и хорошо если хотя бы одну конфетку удавалось достать. Дети, краснея от усердия, едва не плакали – Лёвочкин смотрел. И ведь не уставал от своей забавы. Так и ходил с этим кувшином из года в год.

Огромный, крытый железом торговый дом «Лёвочкин и К^о» был расположен в двадцати саженях от Покровской церкви. На площади Лёвочкин выставял на продажу плуги, пароконные косилки, сеялки-рядовки. Имелся также «Магазин фруктовых вин И. С. Лёвочкина» – единственный винный в Каргине. Лавки свои Лёвочкин открыл в нескольких соседних хуторах и слободах. Выкупил хлебную ссыпку. Открыл мыловаренное производство.

Именно с Лёвочкина Шолохов во многом писал купца Сергея Платоновича Мохова. Что объяснимо: Лёвочкина будущий писатель наблюдал почти всё своё детство. Кто знает, возможно, одна из дочерей Лёвочкина и послужила прототипом для соблазненной казаком Митькой Коршуновым моховской дочки. Митька, как мы помним из книги, решил посвататься к обещанной им купеческой дочке. В бешенстве Мохов спустил на Митьку собак.

Историю про сватовство наглого казака к дочке Лёвочкина каргинские старожилы не помнили. Но во дворе Лёвочкин действительно держал целую псарню – огромных и злоющих цепных псов.

* * *

Как выглядел тогдашний труд отца?

Приказчик стоял на порожках магазина, зазывая покупателей, большинство из которых он чаще всего знал в лицо. Если покупатель соглашался зайти, приказчик командовал учени-

кам: «Подать креслу!» – и затевал разговор – о здоровье, о новостях, об урожае. И лишь потом переходил к представлению товаров.

Мог бы Александр Михайлович сам к тому времени приказчиков нанимать, да не вышло – работал на других; а лет ему было уже 45!

Горько бы грустил Михаил Михайлович Шолохов-старший, видя такую судьбу второго своего сына (первый – Николай – к тому времени спился вконец). В далеком 1890 году у Михаила Михайловича-старшего в Каргине было три своих лавки, не считая вёшенских и кружилинских. А ведь он и читать, как мы помним, не умел, считать не умел – а такой капитал поднял! Сыновей выучил всему – и что? Передать всё нажитое оказалось некому. Всё по ветру пустили дети непутёвые. Вон теперь – стоят на улице, богатых каргинцев зазывают понюхать новое мыло.

В 1907 году в Каргин перебрался из Плешакова брат Пётр – тот самый, у кого дети умирали один за другим, отчего он, бросив принадлежавший ему в Кружилине постоянный двор, уехал подальше.

Теперь у Лёвочкина работали приказчиками три брата Шолоховых.

– Тьфу на вас! – сказал бы Михаил Михайлович. – Не порода, а стыдно сказать что.

Из каждого мог такой же Лёвочкин вырасти. А выросли лёвочкины работники.

* * *

В «Тихом Доне» магазин Лёвочкина упоминается несколько раз.

«Петро, спешив свой отряд на площади, возле магазина купца Лёвочкина, пошёл к станичному атаману на квартиру».

Один из персонажей романа – казак Лиховидов (реальный человек, живший в Каргине) – бывал в магазине Лёвочкина: «...покупал что-нибудь, расплачивался, не слезая с седла, и выезжал в сквозную дверь».

Федор Дмитриевич Лиховидов родился в 1880 году в хуторе Гусыно-Лиховидовском. Окончил Каргинское приходское училище, затем Новочеркасское юнкерское. Воевал в Персии, причём настолько удачно, что был принят в личную охрану шаха.

Случай, когда в романе Лиховидов въезжает в магазин Лёвочкина, чтобы купить что-нибудь и, не слезая с седла, расплатиться, имел место в действительности и пришёлся на день работы Александра Михайловича Шолохова.

Сквозная дверь, между прочим, в магазине тоже была.

Ровно той же работой, что и шолоховский отец, занимался в те же годы отец другого русского гения, Сергея Есенина, служивший приказчиком в московском магазинчике.

Желал ли Александр Шолохов схожей со своей судьбы сыну?

Нет конечно.

Понимая, что надеяться Мише не на что, кроме как на собственную голову, отец начал готовить его к учёбе заранее, мечтая, чтоб единственный, пусть и незаконный наследник стал инженером.

В Каргине имелась церковно-приходская школа.

Шолохов обратился к руководству с просьбой принять на учение его сына. Там посмотрели документы. Миша Кузнецов, отец – Степан Кузнецов, атаманец Еланской станицы. Отчего ж ему здесь учиться? Пусть едет к отцу в Еланскую – и учится там.

Отец с матерью осознали, что не только им пути закрыты повсюду, но и сыну. Он незаконный настолько, что даже не имеет права учиться при родителях. Но Мишка, пожалуй, был только рад, что в школу его не отправили, а отец затосковал.

Учителем в церковно-приходской школе Каргина работал тогда 23-летний Тимофей Мрыхин. Жил он неподалёку от Шолоховых, с Мрыхиним они дружили. Александр Михай-

лович как-то начал исподволь разговор: весь день сынок на рыбалке, боюсь – утонет когда-нибудь в Шевцовой яме или ещё где-то в Чиру... Мрыхин, будто догадавшись, в ответ: «Может, попробовать его к книгам приохотить?»

Золотой человек, умница – спасибо ему навек, что сам предложил.

Мрыхину, по договорённости, стали платить, чтоб он отдельно, на дому, занимался с Михаилом. Хорошо, что он был начисто лишён всяких там сословных предрассудков. Потом вспоминал, что Миша к учёбе был расположен и схватывал всё стремительно: «...весь превращался во внимание и сидел неподвижно, уставив свои острые глаза...»

Похоже на взрослого Шолохова!

«Работа с Мишей доставляла мне полное удовольствие».

Прозанимались они почти полгода: за это время ребёнок изучил годовую программу. Это разгон – потом он будет за год схватывать столько, на что иным нужны долгие годы.

* * *

Около половины жителей Каргина по статусу казаками не были. Собственно казаков к 1917 году там проживало 701; помимо них шесть дворян, 29 представителей духовного звания, мещан – 54, крестьян – 428.

Сотни людей, приехавших с Рязанщины, Тамбовщины, Воронежского уезда, прижились на Дону в качестве ремесленников. Сами казаки издавна ремёслами почти не занимались, блюдя воинское своё предназначение.

На окраине хутора местный казак Тимофей Андреевич Каргин построил новейшую мельницу – внушительное здание из красного кирпича, стоявшее колоссальных по тем временам средств.

Откуда у казака такие деньги?

В своё время Тимофей Андреевич участвовал в подавлении очередного польского восстания; затем служил на Кавказе. В бытность на службе где-то нашёл клад, но отдавать начальству не стал. Нашёл способ кинуть восточку родне на Дон. В те времена родственники традиционнo навещали служащих казаков: вот и к Тимофею Каргину приехала на подводе родня. Одно из колёс подводы было полым. В оси колеса клад и вывезли.

Другой бы казак бросил всякую деятельность, проживая с тех пор безбедно и пьяно, но не Каргин. Тимофей Андреевич сначала развёл скот и устроил маслобойку. Потом, изучив вопрос и взяв для усиления капитала ссуду, начал собственное мельничное дело. Рядом с мельницей в 1909 году ещё и кинотеатр построил – один из первых в России! – на сто мест. Всякий привозивший муку на помол к нему мог посетить киносеанс бесплатно.

Кино показывали ежедневно, кроме субботы. Кинотеатр назывался «Идеал». У дальней стены небольшого помещения были две ограждённые ложи с диванами для купцов и богатых казаков. Детские билеты стоили пятак, взрослые – десять копеек. Киномеханик в идеально белой рубашке – с усами и блестящей причёской – имел прозвище Макс Линдер в честь знаменитого французского актёра.

Сам Каргин кинотеатр не посещал, считая кино забавой, недостойной казака. Шаг за шагом он стал самым богатым и уважаемым человеком в округе; но не задавался, в церкви молился вместе со всеми остальными, ходил в казачьих шароварах и старом картузе. Среди иных донских богатеев дружб и знакомств не искал, общаясь по большей части с местным священником Виссарионом (ещё один персонаж «Тихого Дона») и каргинским фельдшером.

Состояние Каргина исчислялось в десятках тысяч рублей. Напомним, что хорошая лошадь стоила тогда сто рублей, корова – 60, рояль – 200, автомобиль (неслыханная роскошь!) – 2000. Депутаты Государственной думы получали жалованье в размере 350 рублей,

губернаторы имели оклады около одной тысячи рублей, а министры и высшие чиновники, члены Государственного совета – полторы тысячи рублей в месяц.

Каргин был настоящим воротилой.

Мельница его была обустроена по новейшему слову техники. С мешка подсолнуха выходило ведро масла – так что подводы на каргинскую мельницу тянулись со всей округи.

Со временем Каргин стал самым известным благотворителем на Верхнем Дону: жертвовал на открытие телеграфной станции в Вёшенской, на народную школу в хуторе Грушенском, на Красный Крест – от которого имел медаль; ещё три медали им были получены за помощь голодающим губерниям.

Видно, Господь знал, кому клад подарить.

К Тимофею Андреевичу Каргину, которому в ту пору было уже за семьдесят, ходил по своим делам и Александр Михайлович Шолохов. Соседи запомнили, что с собой он брал мальчонку, незаконнорождённого сына Мишу, и держал его всю дорогу за руку. Что-то в этом есть удивительное и не вполне казачье: добрый отец и сынок Мишка, татарчук, нахалёнок, бредут сквозь донское марево к мельнице.

Казаки своих казачат воспитывали посуровей.

Пока отец разговаривал с Каргиным, Минька изучал, как, с грохотом и в крошечной пыли, работают мельничные механизмы. На мельнице он впервые увидел электричество: по всем потолкам мельницы были натянуты провода и горели лампочки. Приезжающие на мельницу казаки тоже подолгу смотрели на эту невидаль: надо ж-те, свет, а чада нет вовсе!

И отец, и брат его Пётр, и другой брат, Михаил, и маленький Минька были частыми посетителями кинотеатра «Идеал».

Сразу за зданием мельницы протекал Чир. Местная детвора на лёгких лодках рыбачила и каталась там. За Чиром Каргин посадил фруктовые сады.

И сама мельница, и сады, и Чир, и даже не десятки, а сотни разнообразных местных примет – всё это будет, так или иначе, присутствовать в романе «Тихий Дон».

Никакой человек из иных краёв никогда б не написал этот текст.

* * *

В Каргине Шолоховы несколько раз переезжали с места на место. С квартиры у самого майдана, оказавшейся слишком дорогой, съехали на другую – возле кладбища. Но и там было не по деньгам. Третьим адресом стала внешне такая же, как в Кружилинском хуторе, мазанка – хата шесть шагов в длину, четыре в ширину, крохотные оконца, саманные стены, камышовая крыша.

Отец не опускал руки: крутился, как мог, хватаясь за любой приработок: отработав днём приказчиком, ночью дорабатывал сторожем на бахче.

В Нижнем Астахове он скупал земельные участки – на перепродажу.

В Топкой балке нанятые братьями Шолоховыми тавричане разводили овец.

В конце концов на долю Александра выпала удача: с одной из сделок вышла какая-никакая, а заметная прибыль.

В четвёртый раз Александр Михайлович Шолохов с женой и сыном переехали в большой, под железную крышу деревянный дом. Дерево в донских землях было огромной редкостью, срубы могли позволить себе только обеспеченные люди.

И этот, и каждый прежний адрес добавляли любознательному Миньке в копилку наблюдений. Они все потом пригодятся. Добрая половина их ближайших каргинских соседей объявится под своими именами в шолоховских книгах.

* * *

В 1912 году отец снова идёт в церковно-приходское училище: возьмите сына!

Местного батюшку Николая, преподавателя Закона Божия, уговаривал Александр Михайлович самыми низжайшими уговорами, и всё без толку. Пётр Михайлович Шолохов присоединился к переговорам, но опять безрезультатно. В конце концов, братья решили заручиться поддержкой двух уважаемых попечителей – Ивана Сергеевича Лёвочкина и Тимофея Андреевича Каргина.

Церковный училищный совет давал на школу в год 50 рублей серебром, от станичного сообщества поступало 35 рублей, ещё немного собирали с родителей. Но всех этих средств не хватало даже на оплату преподавательского труда. Без Лёвочкина и Каргина почти все училища в округе вскоре бы закрылись.

Сходили к одному, ко второму, изложили ситуацию.

Покряхтев, Каргин сказал что-то вроде: «Да-а... Нехорошая история... Но как же мальчонке без обучения?..»

Лёвочкин бороду разгладил, с минуту тягостно помолчал, потом заключил, как бы с небес на землю снисходя: «Пусть учится. Передай отцу Николаю, что я не против».

Кто ж рискнёт пойти против попечителей!

Мишу приняли на учёбу.

Училище располагалось на центральной площади, напротив дома уже упоминавшегося батюшки Виссариона. Здесь же стояли купеческие особняки и магазины, включая лавку Лёвочкина, ту самую, в которой трудились братья Шолоховы. Из окон училища была видна пожарная каланча и пятиглавая, с кирпичной караулкой и белой оградой церковь 1886 года постройки. Церковь эта была одной из самых больших на Верхнем Дону. В праздничные дни звон колонов был слышен за многие вёрсты.

Заочно прошедший с учителем Мрыхиным курс первого класса, Миша начнёт учиться сразу второклассником.

Как принадлежащий к сословию «иностранцев», Александр Михайлович платил за обучение сына три рубля в год. Был бы отец казаком, учёба обошлась бы дешевле.

Александр Иванович Поволоцкий, каргинский житель 1905 года рождения, рассказывал: «...помню, что учился с Мишей Шолоховым. Но только один год, а потом я не знаю, куда он делся... Учили русский язык, математику... дробь простая, десятичная... На парте по три человека сидели. И по четыре – такие парты были. Много поступало учеников. Человек сто нас училось... Помню, дед у нас на перемене всегда стоял с кнутом: побегут какие по партам, а он за ними. И Шолохов тоже развитой был, и ему, бывало, попадало».

Мемуарист запомнил или, скорее всего, смолчал осознанно о том, что Шолохов тогда ещё носил фамилию Кузнецов. Канонические его биографии этот факт обходили – значит, и вспоминать вслух про то лишний раз было некстати, а то образовалось бы такое количество вопросов, что рассказчик и сам пожалел бы о своей долгой памяти. Однако он не ошибся в том, что Шолохов в Каргинской школе отучился всего год. И предметов действительно было только четыре: Закон Божий, математика, гимнастика и русский язык.

Преподавателем русского языка служил Михаил Григорьевич Копылов, отчисленный в своё время из учительской семинарии за неблагонадёжность. Однако в Гражданскую он примет сторону белых и будет убит в бою. В «Тихом Доне» Копылов действует под своим именем и служит у Мелехова сотником: «Когда-то учительствовал он в церковно-приходской школе, по воскресеньям ходил к станичным купцам в гости, перекидывался с купчихами в стуколку и с купцами по маленькой в преферанс, мастерски играл на гитаре и был весёлым, общительным молодым человеком; потом женился на молоденькой учительнице и так бы и жил в станице и

наверняка дослужился бы до пенсии, но в войну его призвали на военную службу. По окончании юнкерского училища он был направлен на Западный фронт, в один из казачьих полков. Война не изменила характера и внешности Копылова. Было что-то безобидное, глубоко штатское в его полной, низкорослой фигуре, в добродушном лице, в манере носить шапку...»

Копылов в жизни, каким его запомнили станичники, с романым своим образом сливался воедино: низкорослый, добродушный, безобидный. Он играл на гитаре и ученику второго класса Мишке при случае показал аккорды и переборы.

В благодарность за то Михаил его увековечил.

* * *

В том же 1912 году пришло известие о смерти атаманца Степана Кузнецова.

Вроде человек умер – как можно радоваться? Никто и не радовался. Но это был немислимый в их жизни переворот. Право на возвращение из беззакония. Мать стала свободна, а Миша – по документам – обратился в казачью сироту. По наследству ему достались курень и надел в тридцать десятин. Русские крестьяне имели тогда меньше двадцати.

Михаил получил тогда возможность обратиться в самого настоящего казака. При иных обстоятельствах и при родительском желании справили б ему коня и снаряжение, и пошёл бы он на ближайшую войну, что твой Гришка Мелехов. Но у родителей были на сына и на самих себя совсем иные планы.

Александр Михайлович и Анастасия Даниловна – верующие, любящие, страдающие русские люди – бросились в церковь: повенчайте же нас, наконец!

Многолетнее страдание их носило не просто социальный, но религиозный характер: они жили во грехе и знали это.

Священник Виссарион – тот самый, реальный, имеющий в «Тихом Доне» своё, прямо скажем, нелицеприятное отражение, – отказался с ними иметь дело: какое ж вам, застарелым грешникам, венчание? Поддержал его и благочинный отец Николай – племянник Виссариона, описанный в романе под именем Панкратий.

В романе своём беспощадный Шолохов опишет Виссариона как сифилитика. Плохо пролеченная эта болезнь одарит священника гнусавым голосом. Во всём этом тоже таилось эхо давней и жестокой личной обиды автора.

Но мы уже помним про гирьку, которой Щукарь едва не убил атаманца, про бездушного и подлого купца Мохова, про молодого барина Листницкого, соблазнившего Аксинью и битого за это плёткой по лицу вернувшимся Мелеховым. И, помня это, – не удивляемся.

Да, Шолохов мстил.

Но ведь Виссарион родителей его унизил! Как оплётанные выглядели отец и мать после разговора с ним. Мать плакала.

Был, на счастье, в Каргине другой священник – отец Емельян Борисов. Он был женат на дочери Лёвочкина и сестры Александра Михайловича Валентине, к тому времени уже покойной. В свою очередь, Александр Михайлович был крёстным отцом младшей дочери священника и Валентины – Нины. Миша дружил и с Ниной, и с двумя старшими её братьями – Владиславом (его называли Додиком) и Жорой.

Батюшка Емельян пожалел свою несчастную родню и в 1913 году, 29 июля, Александр Михайлович и Анастасия Даниловна повенчались. В метрической церковной книге хутора Каргинского записано: «Мещанин Рязанской губернии города Зарайска Александр Михайлович Шолохов, православного вероисповедания, первым браком. Лет жениху 48. Еланской станицы вдова казака Кузнецова, православного исповедания, вторым браком. Лет невесте: 42».

Жених и невеста... В начале «Тихого Дона» Пантелею Прокофьевичу Мелехову около 55 лет, а его жене под 50: они дед и бабка.

В совершении обряда венчания священнику отцу Емельяну Борисову помогал псаломщик Яков Проторчин.

Певчий хор не пел.

Невеста была без фаты, жених – в обычном костюме.

От жениха поручителями стали Иван Сергеевич Лёвочкин и брат Пётр. От невесты: крестьянин Тамбовской губернии Шацкого уезда Атиевской волости Козьма Кондрашёв и мещанин Воронежской губернии города Острогожского Владимир Николаевич Шерстюков – ещё один, заметим, шолоховский родственник: у жены Петра имелась родная сестра, а это был её муж. Шерстюков тоже работал приказчиком в одном из торговых заведений Лёвочкина.

В августе 1913 года Александр Михайлович Шолохов усыновил собственного сына Михаила Степановича Кузнецова.

Тогда и были утеряны Михаилом отчество «Степанович» и фамилия «Кузнецов» – появился Михаил Александрович Шолохов.

В возрасте восьми лет из казачьего сословия Миша перешёл в мещанское.

* * *

Если б Шолохов был сызмальства признан роднёй и не числился сиротою при живом отце – всё бы, наверное, сложилось иначе. Он спокойно бы рос как представитель мещанского сословия. Обидная судьба его, как ни горько это говорить, сыграла благую роль, дав ребёнку возможность пережить и узнать куда больше, чем он мог бы при лучших обстоятельствах.

Поэтому он рос своеобразным.

Двоюродная сестра Мария Ивановна Бондаренко: «Шустрый, как и все мальчишки. Но очень самолюбивый. Боже сохрани, чтобы кто-нибудь из чужих его приласкал – отойдёт, нахмурится. Слостями его не приманишь – неподкупный».

Сам Шолохов о детстве почти никогда не вспоминал: слишком много ловушек пришлось бы обходить. Мы можем довольствоваться лишь редкими свидетельствами старожилов и разговорками в его прозе.

Дети играли в Каргине, как вспоминают местные жители, чаще всего на базарной площади около пожарного сарая. На первых страницах «Тихого Дона» читаем: «На площади, за пожарным сараем... рассыхаются пожарные бочки с обломанными оглоблями...» Эти бочки и оглобли из романа маленький Мишка и его сверстники использовали для своих забав.

Тут же, у пожарного сарая, в романе «зеленеет крыша моховского дома...» Здесь Шолохов смешал сразу несколько биографических деталей. В моховский дом Гришка Мелехов, как мы помним, несёт в первой главе «Тихого Дона» на продажу только что пойманного сазана и видит: «...перила – в густой резьбе дикого винограда. На крыльце пятнистая ленивая тень».

Реальный моховский дом, находившийся в станице Вёшенской, в романе не просто перенесён в Татарский, но как бы объединился в одно целое с домом Ивана Сергеевича Лёвочкина в Каргине.

К Лёвочкиным Шолохов порой заглядывал в гости. Сохранилась фотография, где маленький Мишка с тремя детьми купца стоит на том самом крыльце, по которому Гришка Мелехов вошёл с пойманным сазаном, а вышел уже без него, продав хозяину.

Рядом с Мишей на фото – самая маленькая, 1906 года рождения, девочка, Нина Лёвочкина, приходившаяся двоюродной племянницей Михаилу. Много лет спустя дочь этой Нины – профессор Клара Евгеньевна Корепова – преподавала в университете фольклористику автору этих строк. Здесь я чувствую еле уловимую связь с детством Шолохова, со скрипом половиц крыльца, по которому ступал молодой Григорий Мелехов. Это действует на меня головокружительно.

Из окон дома Лёвочкиных, равно как от пожарного сарая, где играли казачата, был виден майдан. И если там что-то затевалось – дети тут же бежали смотреть. «Тихий Дон»: «Из хутора в майские лагеря уходило человек тридцать казаков. Место сбора – плац. Часам к семи к плацу потянулись повозки с брезентовыми будками, пешие и конные казаки в майских парусиновых рубахах, в снаряжении».

На вопрос о своём будущем малолетний Миша отвечал неизменно и твёрдо:

– Я буду офицером.

Но у отца были иные планы.

Глава вторая

Гимназист

Александр Михайлович Шолохов собрал неплохую по тем временам библиотеку.

Отличная библиотека была и у брата Петра.

Братья со временем очень сошлись. Оба были заядлыми курильщиками – и страсть к табаку передалась впоследствии от отца и дядьки к Михаилу.

Петра помнят как человека красивого, аристократического облика, чем-то похожего на Блока, с ярко выраженным мужским характером. Притом некоторая суровость нрава вовсе не мешала ему, когда заканчивались книги, идти по дворам, где жили читающие соседи, и собирать едва ли не всё подряд, ещё не читанное им. Он долгие годы вёл дневник – привычка, что и говорить, не слишком свойственная представителям купеческого сословия или тем более казакам.

Как мы помним, Пётр со своей женой Анной Семёновной (в девичестве Обоймаковой) родили восьмерых детей, но выжили из них лишь двое: Мария 1905 года рождения и Коля 1910-го. С Марусей Шолоховой у Миши сложилась братская, ласковая связь. Сама Мария (по мужу Бабанская) много позже вспоминала: «Он, бывало, без меня никуда. Любил он очень меня. Вместе ходили в школу, на речку...»

Маша была удивительная: с явными задатками актрисы, проявившимися уже в ранней юности, помнящая наизусть множество стихов и втайне сочинявшая свои.

Николай, младший Марусин брат, вспоминал своё: «...всегда состоял при Мише и Марусе хвостиком».

О Евдокии Семёновне – родной сестре жены Петра Шолохова, выступившей поручительницей на венчании Александра и Анастасии, – стоит сказать особо. Она родилась 14 марта 1879 года: как часто шутила позже сама, «вместе со Сталиным» (на самом деле Сталин родился, как позже выяснилось, 18 декабря).

Именно она, так уж вышло, проводила с детьми Петра и Михаилом особенно много времени. Миша звал её «тётя Дуня». Совместные прогулки на Чир, в левады Дубровенького леса, на песчаный курган, – это всё с ней. Под курганом они с тёткой Дуней, Марусей и Колей собирали чабрец, в буераках и лесках – клубнику и ежевику. В этих прогулках Михаил высмотрел многочисленные местные приметы – смены времён года, повадки птиц и насекомых, поимённо узнал степное разнотравье, что неизменно поражает всякого внимательного читателя шолоховской прозы.

Забурунный лог и Жиров пруд из «Тихого Дона», бугры, яры, буераки – тоже всё местное, каргинское, опознаваемое.

Шолохов настолько помнил и ценил заботы тёти Дуни, что много позже, став всемирно известным, приглашал Евдокию Семёновну – не кровную родственницу – переехать к нему в дом, жить с ними, отведя ей отдельную комнату.

Она отказалась.

* * *

Теперь – про обитателей Каргина и их двойников в шолоховской прозе.

Разложим известные нам факты.

Хутор, где живут Мелеховы в романе «Тихий Дон», называется Татарский. Но никаких татар среди персонажей нет вообще. Зато Шолоховых именовали «татарчуками». Так Шолохов определил принадлежность созданного им мира: Татарский хутор – то есть: выдуманный

татарчуком. Татарские жители, то есть «татарчуки», – главные персонажи этого романа. Это его огромная семья, и он её творец.

В реальности никакого Татарского хутора на Верхнем Дону не было никогда. Зато все остальные хутора и станицы, упомянутые в «Тихом Доне», – реальные.

В Татарском проживают все основные персонажи эпопеи.

Братья Шумилины – Мартин, Прохор и Алёшка по прозвищу Шамили, – появляющиеся на первых же страницах.

Хрисанф Токин (Христоня) – также вступающий в роман в самом начале и проходящий сквозь всю эпопею.

Казак Аникушка. Знахарка баба Дроздиха. Бубличница Фроська. Пастух Кузьма Курносый. Шинкарка Лукешка Попова. Упоминавшиеся нами хуторской атаман Фёдор Лиховидов и священник Виссарион. Всё это, так или иначе, реальные люди, жившие в станице Каргинской, в ближнем или дальнем соседстве с Шолоховыми, сохранившие в романе свои имена либо прозвища, иногда давшие персонажу часть судьбы, а порой – всю свою обозримую для стороннего наблюдателя жизнь целиком.

Наблюдаемые Шолоховым с детства, они обратились в литературных персонажей.

В 1975 году писатель вдруг, что случалось с ним крайне редко, открылся: «...в станице Каргинской жил образованный поп – отец Виссарион. Жил он один и имел богатейшую библиотеку по истории и этнографии Донского края. Сам отец Виссарион читал много, но книг своих никому никогда не давал. Не знаю, как мне удалось завоевать его доверие, только начал он подпускать меня к своим высоким шкафам».

Помимо литературной классики, у батюшки имелись Спиноза и Кант и даже сочинения... Карла Маркса.

Старожилы Каргина сразу опознали его в книге – он действительно был гундосым. Шолохов, как мы помним, мстя за родительские обиды, объяснил эту манеру речи залеченным сифилисом. На самом деле священник гундосил от рождения – видимо, вследствие пережитой в детстве простуды. Но, должно быть, злые на язык казаки беспощадно шутили про всё более неразборчивую с каждым годом речь Виссариона, – а памятный нахалёнок шутку с незнакомым словом «сифилитик» запомнил и оставил в уголке сознания на потом.

Полностью священника звали Виссарион Васильевич Евсеев. Родился он в 1853 году, умер в 1927-м. До конца жизни оставался вдовцом. Жил, как и написано в шолоховском романе, с украинкой-экономкой и приёмным сыном.

Косоглазая Лукерья (в действительности – Каргина, а не Попова) некоторое время жила с Шолоховыми на одной улице: это у неё поселился в романе приехавший в Татарский большевик Штокман; к ней же его заселят, когда он вернётся на хутор уже в 1919 году.

Краевед Геннадий Сивоволов, происходивший из Каргина, писал про Лукерью Попову: «Автор этих строк в тридцатые годы знал её лично. Жила она с дочерью на соседней улице. Была вдовой; с глазами у неё действительно было не в порядке – один смотрел прямо, другой – вбок. Худенькая, невысокая, подвижная, в постоянных хлопотах. Своей голосистостью (дишканила так, что весь хутор слушал, замирая), острым и длинным языком была известна на весь хутор».

Когда Шолоховы съехали со съёмной квартиры и переселились в собственный домик, ближайшим их соседом стал Аникей Андриянович Антипов, местный уроженец 1888 года рождения. Звали его Аникушка. Разбитной казак, балагур и званный гость на любых праздниках. Он выведен в романе «Тихий Дон» под собственным именем.

Появляется Аникей, сосед Мелеховых и троюродный брат Гришки, уже в первой книге, на свадьбе у Григория и Натальи. Он везёт молодых, лихо правя лошадьми.

У реального Аникея была жена Евдокия, часто болевшая. В романе читаем: «У спуска догнали Аникушку. Воткнув в сани топор с новёхоньким топорщиком, Аникушка, подпоясан-

ный зелёным кушаком, шёл рядом с быками. Жена его – мелкорослая, хворая бабёнка, правила. Петро ещё издали крикнул:

– Сосед, ты никак бабу волокёшь за собой?

Смешливый Аникушка, приплясывая, подошёл к саням.

– Везу, везу. Для сугреву».

Далее Аникушку призовут на фронт вместе с Мелеховым.

В романе, в отсутствие Аникушки баба его всюду загуляет – у неё как-то заночует пришедший с фронта Митька Коршунов. О поведении Евдокии в реальной жизни мы ничего не знаем. Но Шолоховы через забор жили – им виднее.

Аникушка – сквозной персонаж всего романа. В окружении Григория Мелехова он четвёртый по количеству упоминаний в книге. Аникушка присутствует на всех ключевых сюжетных поворотах. Наконец, главное: он ближайший сосед и Мелеховых тоже: с одной стороны от куреня Пантелея Прокофьевича живут Аникей с женою, а с другой – Степан и Аксинья Астаховы. Таким образом писатель Шолохов помещает себя как бы на место Мелеховых. Выходя из куреня, они первым делом видели Аникушку, здоровались с ним, спрашивали о новостях – и Шолоховы тоже.

Шолохов писал многие страницы романа, не воображая, а как бы восстанавливая события по памяти.

Реальный Аникей Андриянович Антипов в 1917 году вернулся с фронта с каргинскими казаками. Шолоховы это, конечно, видели и расспрашивали соседа о пережитом. Наверняка Аникей заходил к шолоховскому отцу – выпили, проговорили до ночи. Аникей из шолоховского романа в 1917 году вернулся домой с казаками хутора Татарского. В 1919 году реальный Аникей Андриянович Антипов был мобилизован в повстанческую сотню, жизнь Аниека в шолоховском романе развивалась точно так же.

Шамили-Шумилины в реальности носили фамилию Ковалёвы (по уличному – Ковальковы). Но их было не трое, как в романе, а четверо. Звали их: Алёшка-безрукий (и в романе, и в жизни он действительно лишился руки), Мартин, Иван и Аким.

Ковалёвы жили наискосок от Шолоховых – только улицу перейти. Один из братьев подрабатывал цирюльником. Мартин и Алексей в книге остались при своих именах, а Прохора автор переименовал в Ивана. Аким же – отсутствует. Пётр Мартынович Ковалёв (соответственно: сын романного Мартина Шамяля) рассказывал, что Александр Михайлович Шолохов приходил к ним постригаться, а Миша тем временем играл со старшим сыном Мартина.

Что до прозвища «Шамили», то носили его не братья Ковалёвы, а другие каргинские жители – братья Лосевы, проживавшие в дальнем конце хутора. Прозвище они получили в наследство от деда, который якобы принимал участие в пленении имама Шамяля.

Находившийся рядом с наделом семьи Лосевых пруд жители Каргина долгое время называли «Шамилёвским прудом». И братья Ковалёвы были характерными казаками, и Лосевы – те ещё бойцы и наездники. Так из двух семей получились колоритные персонажи романа.

У Шолохова Прохора Шамяля убили на германской войне, а Мартин и Алёшка сгинули в Гражданскую. Мартина зарубят вместе с Петром Мелеховым, Алёшка же погибнет при стычке с красными в Топкой балке – таковая действительно имеется по сей день в окрестностях Каргина.

Пётр Мартынович Ковалёв рассказывал: «Отец не особенно грамотный был. Мы читали вслух “Тихий Дон”, а он, отец, тогда сказал: это Мишка написал про меня, записал нас, говорит, Шамялями» (то есть дал чужое прозвище). «И мать он описывает, – продолжал Ковалёв. – Когда отец пришёл, а сыч на могилках кричал, а отец его хотел застрелить, а мать говорит: “Ты что, я на сносях хожу”...»

Этот фрагмент есть в первом томе «Тихого Дона»: «Шумилин Мартин, брат безрукого Алексея, две ночи караулил проклятую птицу под кладбищенской оградой, но сыч – невиди-

мый и таинственный – бесшумно пролетал над ним, садился на крест в другом конце кладбища, сея над сонным хутором тревожные клики. Мартин непристойно ругался, стрелял в чёрное обвислое пузо проплывающей тучи и уходил. Жил он тут же под боком. Жена его, пугливая хворая баба, плодовитая, как крольчиха, – рожавшая каждый год, – встречала мужа упрёками:

– Дурак, истованный дурак! Чего он тебе, вражина, мешает, что ли? А как Бог накажет? Хожу вот на последях, а ну как не разрожусь через тебя, чертяку?»

Старожил станицы Каргинской Илья Емельянович Фролов тоже подтверждал, что Шолохов удачно «подсмотрел» некоторые черты у ближайших соседей: «Фактически он Алёшку Ковальчонка косорукого описывал, у него одна щека дергалась, у Шолохова так и написано».

В действительности и Алексей, и Мартин Гражданскую войну переживут. К их судьбам мы ещё вернёмся.

В шолоховском романе упоминаются под своим именем не только купец Лёвочкин, но и ученики приказчиков в его лавке – Василий Стороженко и Пётр Семиглазов. Реальный Василий Васильевич Стороженко родился в 1897 году в Каргине, окончил церковно-приходскую школу, после чего, с двенадцати лет, действительно работал учеником приказчика в торговом доме Лёвочкина: под непосредственным началом Петра Михайловича Шолохова.

Соответственно, и Александр Михайлович, и Миша, и все остальные Шолоховы Василия Стороженко отлично знали. Отец его, Василий Иосифович Стороженко, работал ночным сторожем в том же магазине Лёвочкина. В мае 1916 года Стороженко-младший был призван на службу в армию, дослужился до звания младшего унтер-офицера; вернулся на Дон.

В марте 1918 года, когда хуторской атаман Фёдор Лиховидов издал распоряжение об аресте сочувствовавших Советской власти, Стороженко покинул Каргинскую и ушёл в Красную армию. В «Тихом Доне» так и написано: «Из иногородних лишь несколько молодых солдат, предводительствуемые Василием Стороженко, служившим в 1-м пулемётном полку, бежали к красновардейцам».

Воевал Стороженко на Юго-Восточном и Северо-Кавказском фронтах; в 1923 году окончил Петроградскую кавалерийскую школу и продолжил службу; участвовал в Отечественной: с 1942 по 1944-й он начальник штаба 6-й воздушной армии, с 30 апреля 1943 года – в звании генерал-майора авиации. Вот тебе и «ученик приказчика»!

Скончался Василий Васильевич 28 апреля 1946 года, похоронен на Новодевичьем. Он наверняка знал, что под своим именем присутствует в знаменитом романе; помнил, быть может, как Пётр Михайлович или Александр Михайлович Шолоховы таскали его за уши.

Пётр Семиглазов, другой ученик приказчика в романе «Тихий Дон», тоже уйдёт к красным и погибнет в бою – зарубленный, между прочим, Григорием Мелеховым. Фамилия его на самом деле была Семигласов, был он из иногородних, служил учеником приказчика в торговом доме Лёвочкина в подчинении у братьев Шолоховых. Он действительно сразу принял сторону большевиков, воевал за красных и погиб в 1919 году, в возрасте 26 лет.

Жила в Каргине в пору шолоховского детства старая бабка Домна Андроновна, по-уличному – Андрониха. Её знали все хуторяне. Совсем древней она была уже к началу Первой мировой, но пережила и эту войну, и Гражданскую. Михаил Шолохов вырос при, казалось уже, вечной Андронихе.

Когда, намучившись на своих фронтах, похоронив жену Наталью, Григорий Мелехов в который раз идёт жить к Аксинье, сестра Дуня говорит ему: «Бери её, брат, она хорошая...» – на что Гришка иронично отвечает: «Ты вроде как меня уговариваешь... На ком, кроме неё, жениться? Не на бабке же Андронихе?»

Мы назвали лишь несколько персонажей, имевших явных каргинских прототипов, но на самом деле в романе используется целый ряд фамилий живших в Каргине казаков: Коршунов, Токин, Зыбов, Чумаков, Жарков, Атепин, Лиховидов (помимо Фёдора, ещё и Гаврил, в романе: «...казак редко зверского вида, известный тем, что постоянно безропотно сносил побои семи-

десятилетней матери и жены – бабы неказистой, но вольного нрава»), Озеров, Ахваткин, Ушаков, Меркулов, Бодовсков.

Кто-то из героев был схож со своими прототипами до степени смешения, у кого-то автор ухватил одну-другую черту, с третьих и фамилии достало. Впрочем, едва ли сам писатель смог бы со временем вспомнить, какие сюжеты, повадки, высказывания, присказки были им «подсмотрены» и «подслушаны», а какие «выдумались». Но то, что конкретная жизнь конкретных людей напитала его – очевидно.

В числе квартир, снимаемых Шолоховыми, была, как мы помним, одна возле каргинского кладбища. Ближайший к выходу памятник был войсковому старшине Пантелеймону Макеевичу. Это редкое имя запало в память подростку Михаилу.

* * *

Помимо реальных людей, ставших прототипами героев, Шолохов перенёс сначала в «Донские рассказы», а затем в «Тихий Дон» великое множество географических и бытовых примет Каргина. Уже упоминавшуюся и самым подробным образом описанную каргинскую мельницу (там, например, в начале романа происходит драка меж казаками и хохлами). Расположение улиц. Кирпичную церковь с белой оградой и даже караулку при церкви, где, цитируем «Тихий Дон», «толпились казаки, приехавшие к светлому богослужению с ближних и дальних хуторов. Сморённые усталостью и духотой, висевшей в караулке, люди спали на лавках и у подоконников».

Мишка и однохуторяне-сверстники часто уходили полюбоваться с песчаного кургана на хутор, купола Каргинской церкви и степные дали. С этого самого кургана будут по приказу Мелехова бить мортиры по мосту.

Оба хутора – и реальный, и литературный, – поделены на квадраты, главная улица шла на запад, через главную площадь, на площади – пожарный сарай, торговый дом, колодец, а от него проулок, ведущий к кладбищу. Кроме того, на главной площади и в романном Татарском, и в реальном Каргинском – располагался дом священника Виссариона.

И в Каргинском, и в Татарском имелся магазин царской водочной монополии – так называемая «монополька».

И в Каргинском, и в Татарском было агентство фирмы «Зингер» по распространению швейных машин.

В романе на левом берегу Дона возле Татарского – мокрый луг, где рос чакан. На левом берегу Чира во времена шолоховского детства тоже был мокрый луг, где, да, рос чакан.

Чтоб видеть перед глазами всё происходящее, понимать, куда, мимо чего, за какое время доходит или доезжает тот или иной персонаж, Шолохову надо было иметь понятную и памятную основу.

Каргинский хутор не единственный географический прототип хутора Татарского, но безусловно – главный.

* * *

Ему было девять полных лет, когда поползла трещиной нерушимая жизнь донская.

Гаврило Принцип убил наследника австрийского императора.

На Дону объявили срочные военные сборы.

В «Тихом Доне» это выглядит так: «На площади серая густела толпа. В рядах лошади, казачья справа, мундиры с разными номерами погон. На голову выше армейцев-казаков, как гуси голландские среди мелкорослой домашней птицы, похаживали в голубых фуражках атаманцы».

(Покойный атаманец и материнский мучитель Степан Кузнецов был высок – Миша на всю жизнь запомнил его, долговязого, на голову выше отца).

«Военный пристав хмур и озабочен. У плетней по улицам – празднично одетые бабы. Одно слово в разноликой толпе: «мобилизация». Пьяные, разгорячённые лица. Тревога передаётся лошадям – визг и драка, гневное ржанье. Над площадью – низко повисшая пыль, по площади – порожние бутылки казёнки, бумажки дешёвых конфет».

В тот же день закрыли монополюку – и в романе в хуторе Татарском, и в реальном Каргинском.

Никто в целом мире не догадывался, что прежняя жизнь, начав осыпаться, обратится во прах и не вернётся более никогда.

Подступавшие события были непоправимы.

В том 1914-м, в середине июля, Михаил сильно поранил глаза ржаной остьёй – тонкий длинный усик на оболочке зерна. Пошло сильное воспаление. Хуторские лекаря и знахарки с подобными болезнями справиться не могли. Ребёнка возили в Воронеж – там тоже не справились и посоветовали ехать лечиться в Москву.

Пришлось собираться и ехать.

Именно в Москве 1 августа Миша Шолохов встретил известие о начале войны.

Прошли все необходимые обследования; получили результаты. Врачи заявили: запустите – может потерять зрение, но если лечь в московскую больницу, всё поправимо. Вернулись в Каргинскую, чтобы собраться к переезду. Шаг нешуточный, тем более когда прежний быт менялся день ото дня и всё становилось ненадёжным и ломким.

Составы, полные казаков, уже шли к границе. В хуторе стало заметно меньше молодых мужчин. К тем редким курениям, где хозяева выписывали газеты, соседи приходили послушать новости.

На главной улице хутора (и в романном Татарском, и в реальном Каргинском) имелась почта. В романе почтмейстера зовут Фирс Сидорович, в реальности звали его Митрофан Семёнович. (Шолохов, заметим, сохранил языковое созвучие в имени: впечатывающееся в слух «ф», отчество, начинающееся на букву «с»).

Располагалась почта в большом, крытом железом, казачьем курене, по соседству с агентством фирмы «Зингер». К этому почтовому куреню сбредались казачки и старики, чтоб получать письма немедленно по привозу, а не дома дожидаться. Каргинские дети вертелись здесь же, вслушиваясь в разговоры.

В «Тихом Доне» есть сцена, когда почтмейстер Фирс Сидорович, снедаемый любопытством, раскрывает письмо Гришки Мелехова и уже раскрытым отдаёт Дуняшке, его младшей сестре, прося извиниться перед отцом: «Так и так, мол, вскрыл. Очень, мол, ему было интересно про войну узнать...»

Кажется, что и здесь в основе реальный случай.

* * *

Собрав достаточное количество денег, поздней осенью 1914 года Александр Михайлович и девятилетний Миша поехали в Москву.

В «Тихом Доне» в Москву, тоже осенью, раненный на фронте, впервые попадает Григорий Мелехов: «Гул большого засыпающего города, звонки трамваев, голубой переливчатый блеск действовали на Григория подавляюще. Он сидел, откинувшись на спинку пролётки, жадно осматривая многолюдные, несмотря на ночь, улицы...» И далее: «В Москве ощутимо чувствовалась осень: на деревьях бульваров при свете фонарей блёклой желтизной отсвечивали листья, ночь дышала знобкой прохладой, мокро лоснились плиты тротуаров, и звёзды на погожем небосклоне были ярки и холодны по-осеннему».

Большие каменные дома, мостовые, проспекты – если это и поразило сердце и воображение юного Шолохова, то на совсем короткий срок. Он никогда не станет горожанином. Всю жизнь, попадая в Москву, будет стремиться поскорее вернуться на Дон. Тем же отношением к Первопрестольной он наделит и Григория Мелехова – сразу затосковавшего по степи и простору.

Трёхэтажное здание больницы по адресу Колпачный переулок, дом 11, – сюда привезли Мишу. В ту же больницу Шолохов «положит» и получившего ранение Григория Мелехова.

«Из центра выехали в безлюдный проулок. Цокали по камням лошадиные копыта, качался на высоких козлах извозчик, принаряженный в синий, наподобие поповского, армяк; махал на вислоухую клячу концами вожжей. Где-то на окраинах трубили паровозы <...> За железной тесьмой ограды масляно блеснули вода пруда и перильчатые мостки с привязанной к ним лодкой. Под резиновыми шинами пролётки зашуршали листья.

Около трёхэтажного дома извозчик остановился».

Это, конечно же, детские воспоминания самого Шолохова.

«Дверь открыл швейцар. По нарядной с золочёными перилами лестнице поднялись на второй этаж; сестра позвонила ещё раз. Ихпустила женщина в белом халате. Григорий присел у круглого столика...» Надо понимать, Александр Михайлович присел, а мальчик остался стоять подле, с лёгким волнением оглядываясь и запоминая каждую деталь навсегда: «Сестра что-то говорила женщине в белом, та записывала. Из дверей палат, расположенных по обе стороны неширокого коридора, выглядывали головы в разноцветных очках».

Высокое стенное зеркало, запах чистоты и лекарств, совсем иной скрип половиц, электрический свет...

Александр Михайлович был взволнован. Миша, страдая от боли, щурился, глядя на мягкий свет электрической лампочки.

Их определили в палату. Мише выдали тёмно-зелёные очки.

Ночь или две отец был при сыне, потом уехал.

В палате у Мелехова, согласно роману, есть сосед из Зарайска. Упоминается он только раз: когда Мелехова оформляют. Больше этот незримый сосед не появляется. Как мы помним, род Шолоховых происходил из Зарайска, где родился и Александр Михайлович. Перед нами филологический привет: с Мелеховым в одной палате как бы находится шолоховский дух – молчаливый свидетель всего происходящего.

Миша пролежит в больнице более четырёх месяцев.

«К глазной лечебнице доктора Снегирёва примыкал маленький садик.

Таких уютных стриженных садов много по окраинным переулкам Москвы, в них отдыхает глаз от каменной тяжёлой скуки города, и ещё резче и больнее вспоминается при взгляде на них дикое приволье леса. В больничном садике хозяйствовала осень: крыла дорожки оранжевой бронзой листьев, утренними заморозками мяла цветы и водянистой зеленью наливали на газонах траву. В погожие дни по дорожкам гуляли больные, вслушиваясь в переливы церковных звонов богомольной Москвы. В ненастье (а в том году оно преобладало) слонялись из палаты в палату...»

Что происходит со слепнувшим человеком?

Он начинает слушать.

Он учится слышать вдвое, втрое, в разы больше, чем зрячий человек.

Так, по речи Шолохов учился распознавать интонации и характеры.

Учился понимать значение расстановки слов и междометий.

Москва бурлила разговорами: ещё царил невиданный патриотический подъём начала войны, ежедневно обсуждались сводки с фронтов. В больницу всё чаще привозили раненых солдат. Там же лечились: аристократы, купцы, мещане. Люди всех возрастов, многих национальностей и вероисповеданий.

Привычка притулиться в уголке и вслушиваться в речь окружающих той осенью в Мише закрепились окончательно: болезнь глаз тому очень поспособствовала.

Первая же книга Шолохова – «Донские рассказы» – удивительна в числе прочего поразительным слухом на речь: совсем молодой писатель уже обладал умением, не свойственным даже многим зрелым мастерам – выстраивать целые образы на точных речевых характеристиках.

Причём далеко не только образы казаков. Помещик, попадья, белый офицер – все говорят своими голосами. Например, москвичка и моряк в рассказе «Мягкотелый». Дети, девушки, старухи, старики – для всех находится своя интонация, свой словесный порядок.

Он всех их не просто увидел однажды – он их услышал.

* * *

Зрение поправилось. Очки сняли.

Пока жили в Москве, отец всё разузнал и принял решение: отдать сына учиться в московскую гимназию, а не растить из него казака.

Шолохову приобрели гимназический форменный костюм, сняли квартиру и устроили в гимназию имени Григория Шелапутина № 9, проплатив сто рублей на год вперёд. Для понимания: средняя месячная зарплата тогда составляла порядка двадцати рублей. Учитывая стоимость квартиры, какие-то деньги на проживание, посылки из дома, на учёбу юного Миши уходило столько средств, сколько хватило бы на жизнь целой семьи из двух-трёх человек.

Гимназия располагалась в Трубецком переулке: ныне это переулок Хользунова. Огромное здание с большим количеством разнообразных помещений, включая актовый и спортивный залы. Счёт учащимся шёл на сотни. В гимназии давали восьмиклассное образование; в программе обучения были немецкий, французский и древние языки: греческий и латынь. Это была одна из самых лучших и престижных гимназий во всей России. В этом смысле, конечно, нелепы любые рассуждения о диком, не покидавшем хутора казачонке, который едва ли мог стать писателем.

Миша проживал на Плющихе, в Долгом переулке – ныне улица Бурденко, 20, седьмая квартира, – у родственника по отцовской линии Александра Павловича Ермолова. Он служил учителем подготовительных классов шелапутинской гимназии, преподавая пение и рисование. Миша жил в одной комнате с его сыном Сашей – сверстником и одноклассником.

По договорённости с отцом Шолохова, Александр Павлович присматривал за ребёнком. На учёбу ходили все вместе, втроём – старший и младший Ермоловы и Шолохов. Ермолов увлекался фотографией. Сохранилось совместное фото: отец и сын Ермоловы и глазастый, чуть лопухий, внимательно глядящий в объектив Миша.

По соседству с ними, в том же Долгом переулке, проживал тогда Иван Бунин – 45-летний, известный уже российской читающей публике литератор. В романе «Тихий Дон» цитируются стихи Бунина. Возможно, они встречались, проходя мимо друг друга: маленький казачонок в гимназической форме – и высокий, изящно одетый господин с тростью.

Шолохов вспоминал потом, что мать его выучилась грамоте только для того, «чтобы не прибегая к помощи отца самостоятельно писать мне письма». Писала крупными буквами, допуская детские, чуть нелепые, чуть смешные, такие трогательные ошибки.

Эта разлука с малой родиной понемногу дала Шолохову осознание, кто он на самом деле.

Он – донской.

Да, он не знал в полной мере казачьей работы. Да, его отец был грамотным, читал книги, ходил в городской одежде и сына тоже настойчиво обучал наукам и одевал в городское, тем самым вольно или невольно усугубляя разрыв ребёнка с казачьей средой. Между прочим, казаки били своих детей, а отец Мишу – никогда.

Но, пожалуй, только из имевшего расстояние для наблюдения за средой подростка и мог вырасти знаток и певец своей среды. Разлука вынудила его, засыпая, вспоминать казачьи песни и прибаутки, имя всякой степной травы. Видеть и отмечать различия в упряжи, в одежде, в поведении казаков и москвичей. Перед нами слом, обернувшийся безусловным литературным богатством.

Так Максим Горький, отправленный родным дедом «в люди», прошёл сквозь разнородный, чужой быт, подглядывая по пути даже не десятки, а сотни типажей, пробуя многие профессии и ни в одной не оставаясь, – и стал безо всякого преувеличения великим знатоком жизни как таковой. Он сумел описать с равным мастерством и людей дна, и пролетариев, и купцов, и заводчиков, сам не принадлежа ни к одному из этих сословий и даже из мещанской нижегородской среды изгнанный ещё подростком, однако запомнивший всё навсегда.

Так Сергей Есенин – сын московского приказчика, внук дедов-предпринимателей, никогда в полной мере не знавший крестьянского труда и, по сути, им не занимавшийся, – воспел крестьянство и стал главным крестьянским поэтом России. При всём том, что он оставил деревню ещё ребёнком – сначала попав на обучение в церковно-приходскую школу, а затем переехав в Москву, – и никогда больше туда надолго не возвращался.

Но Шолохов, в отличие от них, в родной дом вернётся, именно там пройдя через все трагедии эпохи.

* * *

Лето 1915-го он провёл в Каргинской. Застал там известие о гибели на фронте соседа Ивана «Шамиля» Ковалёва, носившего в романе имя Прохор.

«Тихий Дон»: «Билась головой о жёсткую землю жена Прохора Шамиля, грызла земляной пол зубами, наглядевшись, как ласкает вернувшийся брат покойного мужа, Мартин Шамиль, свою беременную жену, нянчит детей и раздаёт им подарки. Билась баба и ползала в корчах по земле, а около в овечью кучу гуртились детишки, выли, глядя на мать захлебнувшись в страхе глазами».

Дочь реального Ивана Ковалёва, Агафью Ивановну Дегтярёву, разыскали в своё время краеведы, она рассказала, что примерно всё так и было, только приехал с фронта не Мартин, а третий Шамиль – Алексей. И служили они не на Западном фронте, а на турецком: «Шолохов описывал за маму... Когда дядя Алексей ездил под Турцию, приезжает оттедова, мать пришла, услышала, что отец приехал. Я как раз была на мельнице, там говорят, дядя приехал, отца нету. Мать там всё на себе порвала, последнюю рубаху она на себе рванула. Что в книге писалось, то и она точно, мать-то, говорила...

Кто-то у нас читал книгу, мужчина стоял на квартире, преподавал в мясосовхозе, а он эту книгу читал вслух, ишо мать живая была, и мать заплакала».

* * *

Слишком уж далеко от донского дома и от матери с отцом приходилось учиться Мише.

Мать волновалась: а как там он в чужой семье, а не угодит ли под конку, а то и под трамвай?

Наконец, жизнь в Москве обходилась дорого. В годы войны, во все времена это случается, богатые богатеют, бедные – беднеют. Решили искать хорошую гимназию поближе. Таковая имелась в городе Богучаре Воронежской области.

Изначально, в XVII веке, основанный малороссами Богучар тоже был казачьим поселением. Разросшееся в город бывшее поселение стояло на притоке Дона – речке Богучарке. От Каргина вверх по Дону, в ста двадцати верстах. Тоже не ближний свет – но хотя бы можно за

сутки добраться, да и письма быстрее доходили. Туда же отправил учиться своего сына Анатолия Михаил Михайлович – брат Александра Михайловича: всё проще вдвоём детям.

В Богучаре Михаила устроили на постой к священнику и учителю Закона Божьего Дмитрию Ивановичу Тишанскому – человеку неординарному, имеющему серебряную медаль за достижения в сфере образования. Жена его Софья Викторовна работала в женской гимназии надзирательницей, или, как говорили гимназистки, «классной дамой». У них было пятеро детей: Николай и Антонина – старшие, одноклассник Миши Алёша, Ёлочка и Клава – меньшие. Дом Тишанских стоял на центральной городской площади. Вымощенный камнем собственный дворик, кухня во флигеле. Восемь окон выходили на площадь и на улицу.

Городок был хоть и провинциальный, но с насыщенной жизнью. С прежних времён в Богучаре проживало множество хохлов: они не растворились в местном населении, отличаясь и внешне, и речью, и повадками. Сохранили свою мову, одевались так: штаны на шнуре, в чунях, в ботинках, в холстинных вышиванках, если холодно – в полушубках с длинными рукавами. Москаля же – в сатине, в ярких рубахах; обувь – по достатку.

В «Тихом Доне» у помещика Листницкого служит конюхом старик Сашка – родом, как пишет автор, «из богучарских москалей». То есть разделение на хохлов и москалей в городе было устоявшимся.

На торгу толпились приезжие со всех концов: скупщики зерна, прасолы, татары, цыгане. Шла здесь особая, не схожая ни с кружилинской, ни с каргинской, ни с московской жизнь.

Гимназия – красивое и величественное здание, нисколько не уступающее в своей величественности и архитектурной выверенности гимназии московской, располагалась в трёх минутах ходьбы от дома Тишанских.

Уровень обучения был немногим ниже: гимназия считалась самой престижной на Верхнем Дону. Туда везли учиться со всей округи – город был всегда полон неместными, снимавшими жильё подростками – детьми купцов, зажиточных казаков, мещан.

В гимназии было 52 комнаты, актовый и гимназический залы. Обучение проходили 242 ученика. Лицевой стороной гимназия смотрела на улицу, тыльной – в степь: туда городок не разрастался. Самый вид степи неизбежно наводил иной раз печаль: как хорошо было на приволье, без всех этих наук!

С парадной стороны заходили директор, попечитель, инспектор и преподаватели. Дети же входили в гимназию исключительно со двора.

15 августа выстроили всех, – Миша был побрит наголо, – произнесли напутственную речь и запустили в классы, пахнущие деревом, мелом, чистотой.

В его третьем «А» классе было тридцать пять гимназистов.

Занятия проходили в одном и том же кабинете на втором этаже. Все воспитанники носили фуражки, шинели с голубыми петлицами и блестящими пуговицами, гимнастёрки и брюки навывпуск. Форма была светло-серого цвета: словно присыпанная мукой. Местные дразнили гимназистов «мукомолами». На бляхах поясов и на кокардах были выгравированы буквы БМГ, Богучарская мужская гимназия.

В гимназии преподавали русский язык и литературу, греческий и латынь, французский и немецкий, математику, физику, историю, географию, природоведение, рисование и лепку, пение, гимнастику, Закон Божий.

Курс обучения московскому не уступал.

Признаться, Шолохов не любил латынь и греческий.

Но, как и требовалось, учил и сдавал всё.

Его одноклассник Георгий Подтыкайло вспоминал: «Гимназия была классической и отличалась строгими порядками. Попробуй, бывало, шевельнуться во время надоевшей нам общей молитвы в актовом зале – вмиг впадёшь в долгую немилость начальства. Впрочем, были смельчаки, которые и в эти “святые” минуты успевали поозорничать. Одним из таких был

Миша Шолохов. Мне часто приходилось стоять рядом с ним на молитвах и видеть, как он при поклонах смешно гримасничал, заставляя нас холодеть при мысли, что мы не выдержим и громко рассмеемся».

Есть несколько фотографий той поры: Миша среди одноклассников всегда самый мелкий, но при этом у него неизменно весёлый, с наглечой, вид и прямой взгляд в объектив.

Одна из преподавательниц, Ольга Страхова, запомнила его как ребёнка «с чертами чуть-чуть калмыцкого или другого какого-либо восточного типа». Странно, что фотоснимки этого не передают. Но мы вновь понимаем, что прозвище «татарчук» родилось не на пустом месте.

Георгий Подтыкайло: «В первом классе училось около сорока учеников, Шолохову в то время было десять лет. Невысокий ростом, он был коренастым, ловким крепышом. Участвовал во всех ребячьих потасовках, и спуску не давал...»

Страхова призналась, что, когда Шолохов стал известен и к ней потянулись за воспоминаниями, она поймала себя на том, что поведение ученика характеризовало столь неутомимое хулиганство, что приходилось рыться в памяти в поисках хоть сколько-нибудь подобающей и пристойной истории.

Тем не менее знавшие в ту пору этого мальчишку запомнили и другое: в Богучаре он запоем читал. Тишанские рассказывали, что тогда им были прочитаны сочинения Гёте, Гейне, Гюго. Кроме того, по просьбе младших детей Тишанского для них Миша вслух читал «Робинзон Крузо». Тогда же он узнал «Севастопольские рассказы» Толстого и был потрясён.

Впервые мальчик пробовал сочинять ещё в Москве, но только здесь отец Дмитрий Тишанский обнаружил написанный одиннадцатилетним подростком художественный рассказ из жизни Петра Великого. Что-то из сочинений попало и в руки к Ольге Страховой – она даже зачитывала фрагменты классу. Одарённость подростка несла приметы очевидного подражательства, но вместе с тем была для учителей очевидной.

Директор гимназии Новочадов часто заходил в гости к Тишанским, они обсуждали литературные новости и новейших писателей: Максима Горького, Короленко, Бунина. Подросток впервые поймал себя на том, что ему интересно узнавать и слушать о литературе.

В скором времени в Богучар переехала упоминавшаяся выше Евдокия Семёновна Шерстюкова, тётка Дуня. Вместе с Шолоховым в гимназии учился один из двух её сыновей. С тех пор в доме Шерстюковых Михаил бывал едва ли не ежедневно. Евдокия Семёновна оказалась завзятой театралкой – вместе они посещали все шедшие тогда в Богучарском театре спектакли.

Миша стремительно насыщался знаниями. Он полноценно жил не просто гимназической, но и вполне себе интеллектуальной жизнью.

* * *

В Богучаре Михаил проучится полные три года – немалый срок. За это время он близко познакомится с несколькими людьми и запомнит их накрепко.

По соседству с домом Тишанских жило семейство Штокманов. В своё время, отслужив 25 лет в армии при Николае I, некто Вульф (на русский лад его именовали Василием) Штокман поселился в городке Богучаре. Штокман – фамилия немецкого происхождения, она дословно переводится как «человек-палка» (*Stockmann*). По другой версии, фамилия образовалась от слова *shtokh*, что в переводе с языка идиш означает «ловкий игрок в карты» или просто «ловкач».

Дети из разросшегося семейства Штокманов тоже обучались в Богучарской гимназии – кто-то из них был старше Михаила, кто-то моложе, но в общем все были ему знакомы. Один из старших Штокманов – его звали Давид – ещё до революции был замечен в революционном движении. Иосиф Давидович (или Осип Давыдович) Штокман является одним из главных персонажей романа «Тихий Дон». Когда он прибывает в хутор Татарский и называет свою фами-

лию, у него интересуются: «Не русский, стало быть?» Штокман отвечает: «Нет, русский. Дед из латышей происходил». Романый Штокман был большевиком и членом РСДРП с 1907 года.

В 1972 году писатель Шолохов получил письмо. Некто Евгений Александрович Штокман обращался к писателю с вопросом, интересуясь, правда ли романый Штокман срисован с его дяди Давида Штокмана. Евгений Александрович сообщал, что старшие члены их семьи многие годы помнили подростковое знакомство с Мишей Шолоховым и были обрадованы, обнаружив в знаменитом романе след своего семейства.

Шолохов на письмо не ответил. Дело было даже не в том, что Штокман в романе – персонаж собирательный. Вполне возможно, что от дяди Давида досталась ему только фамилия. Дело скорее в том, что для Шолохова Штокман не просто отрицательный персонаж, а, пожалуй, даже отвратительный. Штокман в «Тихом Доне» сделал всё, чтоб подвести под расстрел, погубить Григория Мелехова. Для Шолохова – это, пожалуй, равносильно тому, как если бы убить хотели его самого.

* * *

Пока Миша Шолохов ходил на занятия, в стране разрастались события немыслимого масштаба.

Пала монархия. Висевший при входе в гимназию портрет императора сняли. На месте портрета зиял выцветший квадрат. Настроения в связи с этим были праздничные: по Богучару бродили ликующие толпы, мещане носили красные банты, девушки непонятно чему смеялись и даже священнослужители были воодушевлены.

Традиционно консервативное казачество отреагировало куда спокойней. «Казачи отнеслись к известию о перевороте со сдержанной тревогой и выжиданием», – читаем в «Тихом Доне». Но прозорливее всех в книге окажется купец Мохов. Предчувствуя дурное, он говорит старым казакам: «Вот, старики, до чего довели Россию. Сравняют вас с мужиками, лишат привилегий, да ещё и старые обиды припомнят. Тяжёлые наступают времена...»

Проведя с 26 мая по 18 июня 1917 года войсковой круг, донское казачество признало Временное правительство и выступило за то, чтоб Россия стала народной республикой с однопалатной системой. Отдельно оговаривалось предоставление прав на национальное самоопределение и самое широкое местное самоуправление. Так расползались, тут же принимая формы законов, сепаратистские настроения. Схожие процессы шли на Украине, в Бессарабии, в Закавказье, на Кубани, в Финляндии...

Условий для создания отдельной государственности донское казачество при этом не имело. Область Войска Донского не обладала развитой промышленностью. Класс интеллигенции, в том числе учительской, был минимален. Весь аппарат управления до недавнего времени формировался в Санкт-Петербурге. Последние пять атаманов Войска Донского донцами не были: их назначал государь из числа своих генералов, порой даже не кавалерийских, а пехотных.

И всё-таки казаки взялись за восстановление своих, как им казалось, поправленных прав. Впервые с 1709 года круг избрал войскового атамана – генерала от кавалерии, выпускника Академии Генерального штаба Алексея Максимовича Каледина – он тоже станет одним из персонажей романа «Тихий Дон». Войско Донское объявило круг единственным правомочным органом, тем самым оставив донское крестьянство, купечество, иногородних без полноценного представительства во власти.

Пошли споры, как делить с крестьянами землю. Иногородних – к числу которых относились и Шолоховы – предлагали выселять на прежние места жительства. Что, конечно же, выглядело совершенной дикостью. Куда было ехать тем же Шолоховым – в Зарайск?

В сентябре 1917 года в Киеве состоялся съезд представителей народов и областей, дружно требовавших федеративного переустройства Российской империи. Донское казачество на съезде выступило за федерацию. Традиционно играя на сепаратистских тенденциях, представители Антанты вели с казаками переговоры, обещая им поддержку в случае выступления против Керенского и Временного правительства.

21 октября был подписан тоже по сути своей сепаратистский договор о создании Юго-Восточного союза казачьих войск и горских народов Кавказа.

Империя стремительно катилась к хаосу и распаду.

В этом старик Мохов был прав.

Не питая никаких симпатий к герою, носившему фамилию прадеда, Шолохов именно в его уста вложил горькое пророчество о грядущем.

* * *

Александр Михайлович снова начал запоем пить. Лёвочкин смотрел на всё это мрачно – дела у него в связи с войной шли всё хуже и хуже, и он давно был готов уволить такого работника. Брат Пётр выручал до поры до времени, но всему были пределы.

Наконец, встал вопрос об увольнении шолоховского отца с должности приказчика, но выручил благословенный случай: Александру Михайловичу предложили место управляющего на мельнице еланского купца второй гильдии Ивана Симонова в хуторе Плешакове. Каменных палат в Каргине он не нажил, а труд приказчика давно опостылил. Чего ж было не попытаться счастья на новом месте? Даром что глава семейства разменял уже шестой десяток и считался по меркам той эпохи стариком – ему было 52 года.

Сначала Шолоховы сняли полдома у казаков Мельниковых. Сразу завели гусей, индеек, свиней. Плешаковская мельница была не такой современной и мощной, как в Каргинской, но и неустаревшей – с паровым двигателем, двухэтажная. После обмолота хлебов казаки и крестьяне из ближних хуторов всю осень и зиму везли сюда зерно на помол.

Хутор Плешаков относился к Еланской станице – той самой, где жил покойный Степан Кузнецов. Располагался он в ложбине на берегу Дона, но подойти к реке можно было только извилистой дорогой, идущей под меловой горой. В Плешакове было немногим более 80 дворов. Подавляющее большинство из числа семисот жителей составляли казаки. Церкви в Плешакове не было. Плешаковцы содержали паромную переправу, чтоб иметь возможность переправляться на левый берег – посетить местный базар, Еланскую церковь. Отстояв службу, заходили за покупками в мануфактурный магазин купца Симонова.

Юный Шолохов, должно быть, попав туда впервые, попытался вообразить иной поворот своей судьбы: вот он, унаследовав надел Степана Кузнецова, живёт здесь... вот готовится к воинской казачьей службе...

Совсем другая жизнь сложилась бы!

В Еланской станице имелись два приходских училища – мужское и женское. Это приходское и окончил бы он. По достижении 17 лет его, как и всех остальных казачат, записали бы в так называемые «малолетки» и привлекли к отбыванию «сиденочной» повинности: дежурство при станичном правлении, разноска пакетов и прочее. К тому времени он должен был уже иметь свой мундир, коня и оружие: саблю, ружьё, пистолет или, если нет ружья, два пистолета. А в 20 принял бы присягу – и на службу.

Плешаков, куда Миша наезжал в свободные от учёбы недели, дал ему многое в смысле опыта, – но настоящей малой родиной, как случилось с Каргинским хутором, а позже с Вёшенской, не стал. Окружённая складами пыльная площадь, большая конюшня да паровая мельница, куда позвали работать отца, – вот и все плешаковские достопримечательности. Тем более именно здесь ждала его близких самая огромная в их жизни катастрофа.

* * *

Поздней осенью 1917 года, накануне той самой, перевернувшей мир революции, в шолоховской семье случился свой переворот.

Умерла Мария Васильевна – бабушка Миши, мать Александра Михайловича. Она не признала внука и невестку, не простила сына. Но из завещания своего непутёвого Сашу не вычеркнула. Огромный капитал деда, купца 2-й гильдии Михаила Михайловича Шолохова, был поделён между наследниками.

Несчастный и загнанный жизнью Александр Михайлович и измученная судьбой Анастасия Даниловна наконец разбогатели.

Причём разом, стремительно, обрушительно.

Грешно было радоваться: всё-таки умерла мать, давшая жизнь Александру Михайловичу, а значит – и Мишке-татарчонку.

Но тем не менее: сколько мытарств пришлось перенести к этой осени 1917 года! Сколько отцовских запоев вытерпеть Анастасии Даниловне! Сколько косых взглядов соседей и родни!

Сколько раз Александру Михайловичу приходилось унижаться, ища, у кого бы взять в долг. С какими муками долги эти возвращались. За какую работу он только не брался. А теперь – вот они, деньги. Вот они, Шолоховы, дожили. «Татарчуки»! Беспаспортного нахалёнка родители!..

В числе других новых знакомых Шолоховы познакомились с казачьим семейством Дроздовых и на зиму перебрались к ним – там было просторнее.

К весне задумали стройку своего большого дома.

Ах, какая жизнь рисовалась им! Не хуже, чем у Лёвочкиных. Тем более что Лёвочкин в разор пошёл, а им теперь – только шириться и богатеть.

Капитал Шолохов решил вложить, как ему показалось, самым надёжным образом – купить мельницу. Мельница всегда нужна. Мельница никогда не стоит без работы. Потому что все сеют хлеб. Хлеб – это жизнь.

Вместе с плешаковской мельницей Шолоховы решили выкупить, а с нею ещё и кузню – за 70 тысяч рублей золотом. Это были нереальные деньги в 1917 году. Шолоховы никогда не держали в руках и десятой части этой суммы. Месячная генеральская зарплата тогда составляла пятьсот рублей золотом. То есть мельница была куплена за 140 генеральских зарплат! Автомобиль стоил две тысячи рублей. Можно было б 35 автомобилей купить. Парк автомобилей! Но мельница (со всеми её пристройками) и кузня были на Дону несравнимо нужнее автомобилей, которые на местных дорогах, в отсутствие мастерских и топлива были вовсе не нужны.

Шолоховы могли бы вовсе ничего не покупать, а жить на эти деньги годы и годы. Но Александр Михайлович рассуждал, казалось бы, здраво: нельзя проесть наследство. Надо быть достойными своих предков и полученное – приумножить. И приумноженного хватит навсегда, на дедов и на внуков. И они ещё будут гордиться им – так деятельно и умно распорядившимся наследством.

Быть может, он убеждал в своей правоте Анастасию Даниловну так: все это торговые дома Шолоховых и Моховых – пшик: у людей кончились деньги – и, сама видишь, Лёвочкину пришлось всё закрыть. Но мельница, Настя! Но кузня – это навсегда!

Сделка состоялась. Получив деньги, бывший хозяин плешаковской мельницы, купец Симонов, купил себе – на ту же примерно сумму – пивоваренный завод в Усть-Медведице. Шолоховы сменили статус. Теперь они принадлежали к числу привилегированных и обеспеченных россиян.

Более того, они стали теперь ни больше ни меньше – эксплуататоры.

Ведь отныне они владели наёмной рабочей силой.

Вся эта наёмная рабочая сила войдёт в роман «Тихий Дон» под своими именами.

* * *

В «Тихом Доне» в первую большевистскую ячейку хутора Татарского собираются несколько работников, служащих на моховской мельнице: машинист Иван Алексеевич Котляров, весовщик Валет, вальцовщик Тимофей и помощник его Давыдка.

Иван Алексеевич – один из основных персонажей эпопеи, судьба то сводит, то разводит его с Григорием Мелеховым; Валет – тоже замечен и выписан весьма характерно.

Мельницу, как мы помним, Шолохов описал точь-в-точь как в Каргине – а вот прототипов Ивана Алексеевича и прочих среди реально работавших на моховской мельнице людей, сколько краеведы ни искали, опрашивая старожилов, так и не нашли. Обратили тогда взоры на плешаковскую мельницу – и получился совсем другой результат. Там, под началом Александра Михайловича Шолохова трудились машинист Иван Алексеевич Сердинов, весовщик Валентин по прозвищу Валет и братья Бабичевы – Василий (он был немой) и Давыд. Совпадения, как мы видим, почти полные: у Ивана Алексеевича только фамилия заменена: из Сердинова он стал в романе Котляровым, весовщик Валентин сохранил своё прозвище Валет, немой Василий в роман не попал, зато Давыдка остался под своим именем.

Зная про купцов Мохова и Лёвочкина, учителя Копылова, священника Виссариона, атамана Фёдора Лиховидова, Аникушку, Христоню, братьев Шамилей и прочих многочисленных, не потерявших своих имён казаков и казачек, а также, скорее всего, и богучарского Штокмана, – мы понимаем, что начавший писать свою книгу Шолохов не слишком путал следы, решив, что лучшее прозвание для героя – настоящее, а не выдуманное. Человек сживается со своим именем намертво, и переименовать его – значит надорвать что-то важное. Назвав Валета Тузом или Аникушку как-нибудь иначе, Шолохов рисковал потерять связь с той самой жизненной правдой, которой так дорожил.

На каргинскую мельницу он не раз заходил ребёнком, всё там разглядел и запомнил – однако во взрослую жизнь работников вовлечён быть не мог в силу хотя бы возраста. Иное дело – мельница в Плешакове. Это ж отцовские служащие – он часто их видел и во все перипетии их судеб волей-неволей оказался погружён – дома отец о них говорит, а иной раз Валет с Давыдкой сами зайдут по делам, Сердинов же вообще был кумом и ближайшим соседом Дроздовых, у которых Шолоховы, пока строился их новый дом прямо возле мельницы, продолжали снимать жильё.

В 1955 году в Чехословакии были опубликованы любопытные воспоминания некоего Ото Гинца, бывшего военнослужащего австрийской армии, попавшего в плен к русским. Он писал: «Я попал в Сибирь, оттуда – на юг России. Среди донских казаков я “переждал” правительство Керенского, среди них я прожил Великую Октябрьскую социалистическую революцию и период после нее <...> Мельница, о которой Шолохов упоминает в “Тихом Доне”, это было место моей работы. Я был там вместе с Иваном Алексеевичем, которому Шолохов отвёл столь значительную роль. Давыдка и Захарка, о которых там тоже речь, были мои друзья. Давыдку и его брата Ваську я обучил латинскому шрифту...»

Ото Гинц спутал некоторые детали – что, впрочем, было объяснимо, ведь прошло 35 лет. Тем не менее он назвал имя реального брата Давыда Бабичева – Василий, который в романе вообще не фигурировал. Это, безусловно, подтверждает подлинность его воспоминаний. К 1955 году поиск краеведами и филологами реальных прототипов шолоховских героев, в сущности, едва начался – и лишь спустя годы, когда были выяснены имена работников мельницы, стало понятно, что чех – не мистификатор.

Гинц утверждал, что некоторое время жил в семье Шолоховых (то есть либо тоже снимал угол у Дроздовых, либо заселился в шолоховском строящемся доме) и дружил с 13-летним Мишей. Среди главных качеств подростка чех отметил его «необыкновенную память».

* * *

В Плешакове Шолоховы решили пустить корни: дом строили основательный, большой – будто бы навсегда.

Доходившие с заметным запозданием новости влияния на эти планы не оказывали.

Случился мятеж Верховного главнокомандующего русской армией Лавра Георгиевича Корнилова против Временного правительства. Казачий отряд отказался поддержать Корнилова, мятеж провалился, однако имя потомственного казака Корнилова в семье Шолоховых помнили и за его действиями следили с надеждой.

Александр Михайловичу казалось, что порядок в пошатнувшейся стране установить сумеет именно он: «стройный, вытянутый, маленький, с лицом монгола генерал», – именно таким предстанет Корнилов в романе «Тихий Дон».

И будет тогда казачья воля и крепкая казачья рука хранить империю.

Но вопреки этим ожиданиям вскоре в Петрограде случился новый переворот и Временное правительство свергли большевики.

«Тихий Дон»: «...утверждали, что Временное правительство бежало в Америку, а Керенского поймали матросы, остригли наголо и, вымазав в дёгте, как гулящую девку, два дня водили по улицам Петрограда».

«...казаки насторожённо притихли. Многие радовались, ожидая прекращения войны».

Казачьи части повалили с фронта домой: одни согласно приказу, другие – самовольно.

В романе возвращается на Дон то подразделение, где служили Григорий Мелехов и его однополчане с хутора Татарского: Кошевой, Христоня, Аникушка, братья Шамили...

«Поднялись на гору. Внизу, над белёсым ледяным извивом Чира, красивейший в верховьях Дона, лежал хутор Каргин. Из трубы паровой мельницы рассыпчатыми мячиками выскакивал дым; на площади чернели толпы народа; звонили к вечерне. За Каргинским бугром чуть виднелись макушки верб хутора Климовского, за ними, за полынной сизью оснеженного горизонта, искрился и багряно сиял дымный распластавшийся в полнеба закат».

Здесь мы видим, как со страниц шолоховского романа казаки въезжают в действительность – на хутор Каргин, где будущий автор романа рос и вырос. И сквозь зимний закат, через шолоховскую детскую память – идут дальше.

Кто такие большевики – никто ещё толком на Дону не понимал. Тем не менее первое же выступление против Советской власти было казачьим. Уже 25 октября, получив вест о свержении Временного правительства, атаман Войска Донского Алексей Каледин отправил в Ставку телеграмму о поддержке Временного правительства.

На следующий день, 26 октября, дворянин Войска Донского – в своё время служивший, как и Степан Кузнецов, в Атаманском полку – генерал-майор Пётр Краснов выдвинулся на Петроград, ведя за собой шесть сотен 1-й Донской и Уссурийской казачьих дивизий. Целью Краснова было восстановление власти Временного правительства. Александр Керенский находился в составе казачьего подразделения.

Памятуя о триаде «За веру, царя и Отечество» стоит заметить, что в данном случае о царе речи не шло – восстановление монархии даже не обсуждалось, да и вопрос веры никакой актуальности тогда ещё не имел. Казаки, поддерживающие Керенского, оспаривали захваченную группой Ленина власть и суть противостояния сводилась пока только к этому.

27 октября красновские казаки без боя заняли Гатчину, 28 октября – Царское Село, 30-го подошли к Пулкову. Там их встретили отряды балтийских матросов и красноармейцев. 30 и 31

октября произошли столкновения. В бою у станции Александровка казаки потеряли убитыми и ранеными 1300 человек. Основная их часть отказалась продолжать поход.

Керенский бежал. 1 ноября Краснов, заключив перемирие, сдался большевикам. Его отпустили под честное слово офицера, что он больше не станет бороться против Советской власти. Но вместо этого Краснов тут же решил отправиться на Дон, чтоб продолжить борьбу. Казаки 10-го Донского полка, которым он командовал в начале Первой мировой, не захотели брать его в эшелон. Краснов посчитал, что из трусости.

Настроения казачества зафиксированы свидетелями: «Всё одно нам одним, казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними – что же будем делать?»

Краснов мыслил иначе.

В те же дни – с 27 на 28 октября – началось восстание юнкеров в Москве. Им удалось захватить Кремль. До трёхсот уже разоружённых красноармейцев, попытавшихся вернуть себе оружие, были убиты.

Каледин направил на помощь юнкерам казачье подкрепление. Но составы с донскими казаками были остановлены рабочими Вязьмы и Тулы.

К 3 ноября восстание юнкеров было подавлено.

На станциях большевистские активисты развешивали листовки: «Солдаты – к нам, казаки – по домам, офицеры – по гробам».

Казаки, согласно этому призыву, действительно вернулись на Дон.

Во многих городах империи власть перешла к Советам бескровно. Но не в казачьих регионах. 26 октября Донское войсковое правительство во главе с Калединым объявило себя единственной властью на Дону. Выступая на заседании Войскового правительства, Каледин определил главную цель донского казачества как «борьбу с большевизмом».

Вслед за Калединым, 1 ноября, атаман Оренбургского казачьего войска и председатель всероссийского Совета казачьих войск Александр Дутов публично призвал своих казаков к борьбе с большевиками.

2 ноября в столицу Войска Донского Новочеркасск прибыл генерал Михаил Алексеев – до недавнего времени начальник штаба Верховного главнокомандующего – и приступил к созданию «Алексеевской организации», ставшей впоследствии основой Добровольческой армии.

Всё это, как мы видим, случилось в течение первых полутора недель после прихода к власти большевиков, ещё никак не успевших ущемить интересы казачества.

Действия Краснова, Дутова, Каледина углубили предубеждённое отношение большевистских вождей, и до того настроенных к казачеству враждебно: ведь казаки всегда были опорой власти в подавлении революционных волнений. В одном из первых декретов Совета народных комиссаров – от 17 ноября 1917 года – казачество как сословие было упразднено.

В России имелось 11 казачьих войск численностью 4,5 миллиона человек. Самым крупным из них являлось Донское – составлявшее, как мы помним, 1,5 миллиона казаков.

Декрет, казалось, посягал на невообразимое: как можно отменить одним указом целый мир – казачью песню и казачью справу, историю и традицию, само течение казачьего Дона?

22 ноября Каледин объявил на территории Войска Донского военное положение. Во все станицы направлены были телеграммы, где предписывалось не просто всесторонне поддерживать Временное правительство, но и применять в случае необходимости военную силу.

Приказ всем окружным атаманам гласил: «Не признавать Совдепии, всякие попытки отступить от существующего положения подавлять беспощадно, немедленно приступить к организации на местах “Советов обороны”, призванных защитить Дон от большевиков».

Каледин попытался даже организовать поход на Воронеж – но не смог собрать необходимое количество добровольцев. Тем временем Лавр Корнилов направил из Могилёва на Дон

свой Текинской полк, чтоб влиться в добровольческое движение. И хотя этнически Текинский полк состоял из туркмен, он входил в состав Закаспийской казачьей бригады.

* * *

Плешаков лишь в отдельных деталях послужил географическим прототипом хутора Татарского.

В отличие от Каргинского, этот хутор был расположен на берегу Дона, и, самое главное, рядом с Плешаковым был заливной луг, где казаки издавна косили: как и в Татарском. Возле Каргинского такого луга не было. То есть Мелеховы ловят рыбу на Дону, который в Каргинском не протекал, но сдают рыбу купцу Мохову (списанному с каргинского Лёвочкина и вёшенских Моховых) – уже в Каргинском. А на покос уходят в Плешаков. Следом в «Тихом Доне» собираются члены большевистской ячейки – и все они сплошь плешаковские. Но работать эти персонажи отправляются на каргинскую мельницу купца Каргина. Такова причудливая дорожка авторской фантазии: он собирает в единую картину разрозненные детали, лица, голоса, краски.

Именно в Плешакове мы встречаем двух братьев, перипетии судеб которых лягут в основу образов Григория и Петра Мелеховых. Это братья Дроздовы, в доме которых Шолоховы поселились. Словно бы Господь заранее предусмотрел, куда им следует попасть, чтоб внимательный подросток всё запомнил и впоследствии ничего не упустил.

Хозяин семейства Дроздовых уже умер, но оставалась вдова – Агриппина Марковна. Местные её называли Дроздиха. Их сосед Дергачёв Павел Ефимович, 1903 года рождения, уроженец хутора Плешакова, вспоминал: «Самого Дроздова старого я не помню, но говорили: прихрамывал он».

Памятуя хромого Пантелея Прокофьевича, запомним и это.

Вдовая Дроздиха осталась с тремя сыновьями и тремя дочерьми, но к моменту появления в Плешакове Шолоховых средний брат (его звали Михаил) погиб на германской, оставив вдову и пятерых детей (они жили в своём доме). В доме Дроздихи жили старший из сыновей Павел со своей женой Марией Андрияновной, младший Алексей с женой Марией Михайловной и дочери – Анна, Акулина, Дарья.

Павел был невысок, но крепок, пшеничные, завитые усы, с мужественным волевым лицом – образцовый казак. Алексей был на голову выше старшего брата, тоже красавец, но линии лица помягче и характером не так крут. Алексей работал извозчиком: развозил купеческие товары по магазинам.

Дроздовы имели лошадей, пару быков, корову, 30 десятин земли; жили крепкой казачьей жизнью. Их крытый камышом курень делился на две половины. В половине Дроздовых – земляной пол, русская печь, стол и лавки во всю стену. Вторую половину занимали Шолоховы. Дроздовы предоставили квартирантам мебель: стол с деревянными лавками, посудный шкаф с застеклёнными дверцами, деревянные кровати, сундук. Дом был на высоком фундаменте, с низами. Во дворе стояла летняя кухня, сложенная из мела и крытая соломой, котухи для скота, дровяной «костёр»; усадьба была огорожена стенкой из камня-плитняка. При доме имелся сад, в конце сада бил ключ.

Живший по соседству Иван Алексеевич Сердинов, работавший на плешаковской мельнице, дом свой купил в 1916 году у тех самых Мельниковых, которые поначалу сдавали комнату семье Шолоховых.

Павел и Алексей тоже участвовали в войне и вернулись домой в конце 1917-го – после того, как 21 ноября большевики заключили с немцами и австрийцами перемирие. Павел заслужил на войне чин хорунжего и два Георгиевских креста. Жена его была хороша собой, но, пока мужа не было, – вроде как погуливала. Здесь, конечно же, сразу видится готовый подмалёвок к судьбе Петра Мелехова и жены его Дарьи.

Характерно, что Шолохов в который раз стремится сохранить хоть какую-то сцепку героя и прототипа, дав последнему имя, начинающееся с той же буквы. Дарья из романа и жена Павла Дроздова Мария носят имена на первый взгляд несхожие, но здесь стоит вспомнить, что в быту казаки использовали форму «Марья». И здесь уже окликаемая мужем или снохой «Дарья» из жизни и «Марья» из романа – сразу сливаются воедино.

У младшего, Алексея, с женой отношения были сложные: не слюбились. И здесь мы наблюдаем отзвук судьбы уже Григория и его Натальи.

* * *

Одна из дочерей Михаила Дроздова вспоминала: «Миша Шолохов, помню, ходил зимой в зипуне ниже колен. Кушаком его мать подвязывала, а он не хотел ходить в нем: зипун был домотканый, плохой вид имел, но шерстяной, тёплый, а Мишка не любил его, жарко в нём было бегать. Наиграется, возьмёт зипун за рукав и тянет за собой, когда домой идёт».

Весной отец огородил мельницу ольховым штакетником, расстроил подсобки и приступил к строительству дома – прямо в мельничном дворе мельницы: круглый, 12 на 11 метров, крытый жостью. По замыслу, одна часть дома должна была служить конторой, а вторую Шолохов хотел отделать под жильё. Помогал ему давний, ещё со времён жизни в Кружилине, товарищ Филипп Андреянович Попов – он был на все руки мастер: столяр, плотник, кузнец, бондарь, слесарь. Происходил с хутора Рубежного и приходился Марии, жене Петра Дроздова, родным братом.

Соседи: «Во дворе мельницы Шолоховы держали гусей, индюшек, свиней. Помогать по двору приезжали из Ясеновки время от времени обедневшие родственники Анастасии Даниловны... Анастасия Даниловна, как приезжал Михаил на каникулы, ходила по дворам, покупала ему сметану, молоко», – сами коров не держали.

Мельников Иван Андреевич, 1908 года рождения: «Вместе с Шолоховым за вишней лазили... На охоту с тенетами ходили на зайца: сеть в верху яра ставили и нагоняли. Набегаемся, надразнимся собак и старух, а потом Мишка говорит: “Пойдём к отцу камень колоть на щебень”. Приходим. Отец говорит: “Вы, Мишка, не будете колоть”. “Будем”, – говорит. Мы кололи камень, и нам по 20 копеек каждому отец его давал, и мы шли в лавку, конфеты брали у купцов. У отца Михаила Александровича на мельнице было штук 6–7 дворняжек, мы ходили с ними поднимать зайцев. Александр Михайлович был простой, любил детей, шутил всегда с ними».

* * *

Сами по себе непрерывные переезды: Кружилин, Каргин, Москва, Богучар, Плешаков – новые адреса, дюжина сменившихся адресов, бессчётные знакомства – всё это сослужило известную службу в становлении личности Шолохова.

Наделённый удивительной памятью, быстро в чужих людях взрослеющий, он успел повидать поразительно много. Наблюдал за казачьей жизнью в нескольких хуторах и станицах. За помещичьим бытом. За купеческим. Не забудем, что и помещичий обиход отчасти был унаследован матерью, выросшей в помещичьей усадьбе. Наблюдал за врачами и больными в глазной больнице доктора Снегирёва. За жизнью донского преподавателя Мрыхина и московского учителя Ермолова, в семье которого жил. За укладом в доме священнослужителя Тишанского, у которого провёл целых три года. За десятками гимназистов сначала в Первопрестольной, следом в Богучаре – и, к слову, за богучарским городским обиходом тоже.

Он обретал сознание, когда отец с матерью бытовали на краю общества. Учился отстаивать себя в самых разных ситуациях – потому что основная часть детства прошла вне родительского пригляда.

Наблюдал за разнообразной отцовской работой – в том числе бахчевником, на мельнице, на кузне, приказчиком, хозяином своего дела.

Наконец, он, постоянный зритель кинотеатра, успел посмотреть десятки новейших кинокартин. А следом, благодаря тётке Дуне, за несколько лет в Богучаре сходил на множество спектаклей.

Судьба неустанно заботилась о нём.

* * *

Войско Донское постепенно обращалось в независимое государственное образование.

В «Тихом Доне» есть такой персонаж – казачий сотник Ефим Иванович Изварин, фамилия которого, судя по всему, восходит к населённому пункту Изварино в Луганской области. Шолохов пишет: «Человек недюжинных способностей, несомненно одарённый, образованный значительно выше той нормы, которой обычно не перерастало казачье офицерство, Изварин был заядлым казаком-автономистом. Февральская революция встряхнула его, дала возможность развернуться, и он, связавшись с казачьими кругами самостийного толка, умело повел агитацию за полную автономию Области Войска Донского... Он превосходно знал историю, носил горячую голову, умом был ясен и трезв; покоряюще красиво рисовал будущую привольную жизнь на родимом Дону – когда править будет державный Круг, когда не будет в пределах области ни одного русака и казачество, имея на своих правительственных границах пограничные посты, будет как с равными, не ломая шапок, говорить с Украиной и Великороссией и вести с ними торговлю и мену».

То есть Украину Изварин тоже видел суверенной.

Григорий Мелехов спрашивал у Изварина: какая казакам выгода отделяться? Тот отвечал: «Прежде всего избавимся от политической опеки, восстановим свои уничтоженные русскими царями порядки, выселим всех пришлых иногородних. В течение десяти лет, путём ввоза из-за границы машин, так поднимем своё хозяйство, что обогатимся в десять раз. Земля эта – наша, кровью наших предков полита, костями их удобрена, а мы, покоренные Россией, защищали четыреста лет её интересы и не думали о себе. У нас есть выходы к морю. У нас будет сильнейшая и боеспособнейшая армия, и не только Украина, но Россия не осмелится посягнуть на нашу независимость!»

Знакомые речи.

К 1917 году, по Шолохову, Украина уже хворала жёсткой формой самостийности.

Пересказывая слова Изварина, Григорий Мелехов так и распишет ближайшее будущее: «На Украине Рада правит, а у нас – войсковой круг».

Главка та в «Тихом Доне», что характерно, завершается так: «...налетая с Украины... гайдамачил над станицей час от часу крепчавший ветер». Мы видим прямое авторское указание на задувающие с украинских земель веяния, которые «гайдамачат». Гайдамаками назывались не только повстанцы XVIII века, но и вооружённые формирования периода Гражданской войны, воевавшие за самостийную Украину. Большевики называли гайдамаками вообще все войска Украинской народной республики – и казаков, и сечевых стрельцов, и юнкеров.

Совсем скоро, в начале 1918-го, в Киеве выпустят IV универсал, где объявят независимость Украины.

Изварин прямо говорит, что от России отделятся не только Украина и Донская область. Вместе с ними будут оторваны Кубань, Терек и горцы Кавказа, с которыми донцы вступят

в союзнические отношения. Союз будет направлен против России. Но если Украина начнёт претендовать на земли Войска Донского – а она претендовала уже тогда, – то и против неё тоже.

Понемногу сепаратистские идеи овладели умами войсковой старшины: а почему б не зажить отдельно, став полновластными правителями огромных пространств. Основная масса казачества думала об этом мало.

Схожая ситуация наблюдалась и на Украине: политический Киев мечтал об отделении, но большинство украинцев жили традиционной жизнью, далёкой от всего этого. К январю 1918-го в украинской армии едва набралось две тысячи добровольцев, готовых сражаться с большевиками за независимость. В числе добровольцев, заметим, оказались Владимир Сосюра и Александр Довженко: первый впоследствии станет известным советским поэтом, а второй – культовым советским кинорежиссёром. Оба будут лауреатами Сталинской премии и восславят победы Красной армии на Украине.

На Дону в числе первых немногочисленных добровольцев окажутся совсем юные казаки, в том числе 19-летний Николай Туроверов – впоследствии замечательный поэт и эмигрант.

* * *

Область Войска Донского занимала 14,5 миллионов десятин – в пять раз больше Московской губернии и в три раза больше Санкт-Петербургской: она была равна Болгарии вместе с Грецией, в полтора раза больше Румынии и в три раза больше Сербии. Увы, несмотря на свою огромность, рассчитывать на независимую государственность область не могла.

Донская земля – это степь; леса покрывали лишь 2 % её пространств, что обусловило и сам тип военных действий. Лесонасаждение там было невозможным – 600 тысяч десятин территории занимали пески. Дороги на Донщине существовали до первого дождя – далее всё обращалось в грязь, ветхие мосты через балки сносило, низменности заполнялись водой.

Если вообразить, что Войско Донское получило бы автономию – дальнейшую судьбу этого образования предсказать несложно: его ждали стремительное банкротство, а затем переход под зарубежный протекторат. Любые попытки атаковать Москву, чтобы установить там собственную власть, были заранее обречены на неудачу: казачество составляло всего 7 % русской армии. Понимая все эти расклады, некоторая часть казаков склонялась к большевистской правде, основная же масса выжидала. Самые восприимчивые и мятущиеся – как Гришка Мелехов в романе – попадали то под одно влияние, то под другое.

24 ноября 1917 года делегация донских казаков добилась встречи с Лениным в Петрограде. Донцы просили не присылать большевистские отряды на Дон, уверяя, что в конфликте между Советами и низложенным Временным правительством, а также любыми иными силами будут придерживаться нейтралитета. Ленин ответил прямо: большевики готовы признать право казаков на самоопределение, но в их нейтралитет не верят.

В сущности, Ленин был прав. Делегация могла обещать, что угодно, но Алексеев и Краснов уже работали над созданием добровольческого сопротивления, а Каледин проводил откровенно сепаратистскую политику.

Сразу после встречи с донской делегацией Ленин выступал перед Советом народных комиссаров, где заявил, что Каледин является вождём контрреволюционного заговора. Из Петрограда была послана телеграмма морякам Черноморского флота, движущимся в сторону Ростова-на-Дону: «Действуйте со всей решительностью против врага народа, не дожидаясь ничьих указаний сверху. Каледины, Корниловы, Дутовы вне закона».

Объявляя войну казачьим вождям, Ленин делал ставку на донское крестьянство и бедную часть казачества. Статистически его расчёт был не лишён оснований: помимо 1,5 млн казаков, в Донской области проживало 900 тысяч коренных крестьян и 700 тысяч иногородних. Причём

95 % иногородних крестьян не имели своей земли, 78 % – рабочего скота, 65 % инвентаря, 60 % – коров.

К осени 1917 года, вследствие утери кормильца, – война длилась уже три года, – 26 % казачьих хозяйств остались без работников, поэтому посевные площади сократились на 23 %.

«Тихий Дон»: «Те дворы, где не осталось казаков, щерились раскрытыми сараями, обветшалыми базами, постепенное разрушение оставляло на них свои неприглядные следы. Христинина жена хозяйствовала с девятилетним сынишкой; Аникушкина баба совсем не хозяйствовала, а по жалмерскому своему положению усиленно ухаживала за собой: румянилась, наводила красоту и за недостатком взрослых казаков принимала ребятишек лет по четырнадцати и больше, о чем красноречиво свидетельствовали дощатые ворота, в своё время обильно измазанные дёгтем и досель хранившие бурые обличающие следы. Курень Степана Астахова пустовал, окна перед уходом забил хозяин досками, крыша местами ввалилась, поросла лопухатником, на дверях ржавел замок, а в раскрытые ворота база, непролазно заросшего бурьяном и лебедой, заходила в любое время поблудная скотина, ища приюта от жары или непогоды. У Томилина Ивана падала на улицу стена хаты, держала её врытая в землю рогатая подпорка, – видно, мстила лихому артиллеристу судьба за те немецкие и русские домики, которые разрушил он, будучи наводчиком.

И так по всем улицам и переулкам хутора».

Почти треть казачьих хозяйств не имела инвентаря, 16 % – рабочего скота. Однако другие две трети казачества ещё крепились: и необходимый инвентарь у них оставался, и рабочий скот – лишь бы рабочие руки были в хозяйстве.

Ленин предполагал, что стремительное подавление зажиточной части казачества, купечества и зажиточного крестьянства, в максимальные сроки и с минимальными потерями обеспечит установление Советской власти на Дону: база для этого имелась.

Большевиков можно обвинить в поспешности и безапелляционности, но только со скидкой на контрреволюционную и сепаратистскую деятельность казачьих лидеров.

«Здесь, – прозорливо отметил тогда Ленин про территорию Войска Донского, – можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи», – он имел в виду ту область Франции, что последовательно сопротивлялась Французской революции.

Позиция Каледина была очевидна: либо мы сносим новую петроградскую власть, либо проводим дома свою политику, невзирая на центр. Ленин сотоварищи никак не могли согласиться с такой постановкой вопроса. К тому времени они уже поняли: в условиях государственного хаоса всякое промедление может обернуться катастрофой.

Однако и установка на жёсткое подавление казачьего самоуправления, без учёта смутных и не оформившихся ещё настроений огромных масс казачества вела, как показало время, к наименьшей катастрофе.

Противостояние было предопределено.

Никто не был готов к долгой и дипломатической работе. У большевиков не было на это времени и компетенции. У лидеров Войска Донского и добровольческого движения – желания.

* * *

1 декабря 1917 года командующий борьбой с контрреволюцией на юге Владимир Антонов-Овсеенко, имевший военное образование, но не имевший военного опыта, отчитался, что контрреволюционные силы на Дону собрали под ружьё до 50 тысяч казаков, хотя «в некоторых казачьих частях брожение по поводу этой мобилизации».

Цифры казаков «под ружьём» одновременно оказались и реальными, – да, примерно столько вернулось с фронтов Первой мировой, – и мнимыми: воевать с большевиками пока были готовы совсем немногие.

Тем не менее несколько сотен участников «Алексеевской организации» – в числе которых были сводный казачий батальон «Новочеркасская дружина», добровольцы 1-го Донского запасного полка, 5-го и 6-го Донских пеших батальонов и юнкера Новочеркасского казачьего училища – сумели 2 декабря взять Ростов-на-Дону и выбить оттуда местный ревком. Это было воспринято большевиками единственно возможным образом: как объявление войны.

В Новочеркасске в кратчайшие сроки сформировалась сильная и крайне опасная управленческая группа: Михаил Алексеев отвечал за финансы, внешние связи и гражданское управление, прибывший Лавр Корнилов – за военные вопросы, Алексей Каледин – за управление Донской областью. Начальником штаба стал генерал-лейтенант Сергей Марков.

Все четверо – известные полководцы, за плечами у каждого было по несколько войн. Генерал Алексеев ещё в Русско-турецкую 1877–1878 годов служил ординарцем у Скобелева. Лавр Корнилов был не только военным, но и политическим деятелем, едва не захватившим государственную власть ещё до большевиков. Брусиловский прорыв некоторое время именовали «калединским»: ведь именно руководимая Калединым армия в пух и прах разбила 4-ю австрийскую армию и в течение девяти дней продвинулась на 70 вёрст вперёд. Марков – как и Алексеев с Корниловым – прошёл ещё и Русско-японскую, а в германскую дослужился до заместителя начальника оперативного отдела штаба Ставки Верховного главнокомандующего.

Вслед за генералитетом в Новочеркасске явились лидер партии кадетов Павел Милюков, идеолог кадетов Пётр Струве, вождь октябристов Михаил Родзянко, князь Григорий Трубецкой, донской миллионер Николай Парамонов (в «Тихом Доне» есть момент, где Пантелей Прокофьевич говорит: «В такую разруху, куда его, хлеб, девать? К Парамонову не повезёшь» – это о нём) и другие влиятельные противники большевиков.

Представители военных миссий Франции, Англии и Америки уже вышли на связь с лидерами донского сопротивления. Прибывший в Новочеркасске французский полковник Гюше сообщил Алексееву, что Франция выделила 100 миллионов франков на поддержание антибольшевистского движения.

С 25 декабря 1917 года собравшиеся на Нижнем Дону подразделения стали именоваться Добровольческой армией. Основную её часть составила учащаяся молодёжь: кадеты, гимназисты, реалисты, студенты, семинаристы. Послужившие, опытные казаки в Добровольческую армию не стремились: счёт добровольцев шёл даже не на сотни, а на десятки. Самые дерзкие влились в два партизанских отряда: уроженца Калитвенской станицы, участника Первой мировой, дослужившегося до есаула Василия Чернецова и другого донского офицера, участника войны – Эммануила Семилетова.

В романе «Тихий Дон» Чернецов эпизодически появляется ещё во время боёв Первой мировой: «На моих глазах сотник Чернецов зарубил немецкого гусара <...> Видел лицо Чернецова. Сосредоточенно, сдержанно-весело, – за преферансом сидит, а не в седле, после убийства человека. Далеко пойдёт сотник Чернецов. Способный».

Отряд Чернецова нанёс большевистским отрядам ряд поражений и 27 декабря захватил Дебальцево: оно находилось близ границ Донской области. Там Чернецов расстрелял всех арестованных командиров, вплоть до взводных. Именно у Чернецова в отряде воевал будущий поэт Николай Тuroверов.

В захваченных (или освобождённых – с какой стороны посмотреть) районах началась мобилизация. На казаков, не желавших покидать пределы Донской области и оставлять свои семьи, возлагалась задача удерживать границу, не допуская большевиков.

В Каргине Иван Сергеевич Лёвочкин выступил главным организатором антибольшевистского сопротивления: растерявший огромную часть своих доходов, он тем не менее был готов поддерживать боевые антибольшевистские казачьи дружины.

Иногородние в большинстве своём наблюдали всю эту суету отчуждённо: они понимали, что в образующейся на их глазах казачьей державе права их будут ущемлены.

Стремясь сгладить растущие противоречия меж казачеством и всеми иными сословиями, жившими на Дону, Каледин к началу 1918 года инициировал создание правительства Донской области, куда вошли не только казаки, но и представители крестьянства, промышленников, купцов.

Однако правительство создавшееся проблемы разрешить уже не могло: казаки не доверяли крестьянам и не без оснований – крестьяне в подавляющем большинстве были за большевиков; промышленники же не доверяли никому.

* * *

1 января 1918 года Совет народных комиссаров принял в Москве постановление о борьбе против Каледина. Большевики развернули свою агитацию, сделав ставку на раскол внутри казачества. Был выдвинут лозунг: «Мир с казаками и война с Калединым!»

В начале января на территорию Верхнего Дона вошли несколько красногвардейских отрядов. 7 января 1918 года генерал Алексеев попросил главу французской военной миссии поддержать Добровольческую армию хотя бы одной дивизией чехословацкого корпуса. Посланный из Новочеркасска курьер был перехвачен большевиками. Письмо Алексеева опубликовали в газете «Правда».

На Дон тем временем продолжали прибывать влиятельные враги большевиков: генералы Антон Деникин, Александр Лукомский, Иван Романовский (все они фигурируют в числе героев «Тихого Дона»), в прошлом эсер и террорист, а теперь деятельный противник новой власти Борис Савинков. Все названные, а также Алексеев, Корнилов и Каледин – в качестве военных руководителей, Струве, Милуков и Трубецкой – в качестве гражданских лиц вошли в созданное на Дону антисоветское Политическое совещание.

В противовес этому 10 января 1918 года на Верхнем Дону, в станице Каменской, состоялся съезд казаков-фронтовиков, настроенных поддержать большевистскую власть. В романе «Тихий Дон» на этом съезде присутствуют Григорий Мелехов и Христоня. Они заворожённо слушают выступления ораторов.

«– Кто на фронте ввёл смертную казнь для солдат? Корнилов! Кто с Калединым душит нас? Он!.. Казаки! Братцы! Братцы! Братцы! К кому же вы пристанете? Каледину охота есть, чтоб мы кровью братской опились! Нет! Нет! Не будет ихнего дела! Задавим, в бога, в потёмки мать! Гидров этих в море спрудим!

– С-с-сукин сын!.. – Христоня, раздирая рот улыбкой, всплеснул руками и не выдержал, загоготал: – Вер-на-а!.. Дай им взвару!»

На съезде была зачитана перехваченная телеграмма Каледина: объявить всех собравшихся в Каменской вне закона, арестовать их и отдать под суд военного трибунала.

В ответ участники проголосовали за свержение Каледина, а затем избрали Военно-революционный комитет под руководством казака Фёдора Григорьевича Подтёлкова. Подтёлков был призван на воинскую службу в 1912 году – в один с Петром Мелеховым призыв, – участвовал в Первой мировой, геройствовал.

Секретарём стал делегат от станицы Еланской Михаил Васильевич Кривошлыков – сын еланского кузнеца, начинающий поэт, также участник Первой мировой, дослужившийся до прапорщика, командовал сотней. Александр Михайлович Шолохов, постоянно бывавший в Еланской, мог лично знать Кривошлыкова. Общие знакомые у них имелись точно.

Более двадцати казачьих полков признали власть ревкома.

Так на Дону случился раскол.

В романе Мелехов видит Подтёлкова так: «На большом, чуть рябоватом выбритом лице его светлели заботливо закрученные усы, смоченные волосы были приглажены расчёской, возле мелких ушей взбиты, с левой стороны чуть курчавились начёсом. Он производил бы

приятное впечатление, если б не крупный приподнятый нос да глаза. На первый взгляд не было в них ничего необычного, но, присмотревшись, Григорий почти ощутил их свинцовую тяжесть. Маленькие, похожие на картечь, они светлели из узких прорезей, как из бойниц, приземляли встречный взгляд, вlepялись в одно место с тяжёлым упорством».

Подтёлков в числе прочего рассказывает Мелехову о своём происхождении: «Я сам рожа с Крутовского... Плешаковский хутор знаешь? Ну, а за ним выходит Матвеев, а рядом уж нашей станицы Тюковновский хутор, а дальше и наши хутора, с каких я родом: Верхний и Нижний Крутовский».

Добавляя в речь Подтёлкова упоминание о Плешаковском хуторе, Шолохов в очередной раз словно бы подчёркивает: тут все, так или иначе, его соседи.

Однако на одном этом упоминании роль Плешаковского хутора в разворачивающейся истории не закончилась. Спустя несколько дней подконтрольными Новочеркасску телеграфистами были перехвачены переговоры Подтёлкова с большевиками: он просил два, а лучше три миллиона рублей на свержение Войскового правительства. По приказу Каледина для борьбы с отрядом Подтёлкова в Плешакове сформировали добровольческую группу. И в эту группу вошли... братья Дроздовы, у которых Шолоховы продолжали жить.

События, позже описанные Шолоховым в романе, проходили не просто через их хутор, а конкретно через их курень. Споры и пересуды о творившемся на Дону подросток Шолохов, приехавший на каникулы, слышал с другой половины дома. Дроздовы никакой активности тогда не проявили.

Уверенный в массовой поддержке донского населения, 13 января Подтёлков прибыл во главе делегации в Новочеркасск, где объявил Каледину и всем собравшимся ультиматум: «Вся власть переходит от войскового атамана Донскому казачьему военно-революционному комитету». Переговоры меж противоборствующими сторонами ни к чему не привели. Но пока Подтёлков оставался в Новочеркасске, отряд Чернецова по приказу Каледина взял Каменскую. За это Чернецов получил звание полковника.

Эти два имени – Подтёлков и Чернецов – звучали тогда знаково. Ленин и Каледин находились где-то совсем далеко, с ними у Шолоховых общих знакомых точно не имелось, зато с Подтёлковым и Чернецовым они были знакомы через одно-два рукопожатия.

23 января большевистский отряд окружил подразделение Чернецова и разбил его. Согласно шолоховскому роману, Григорий Мелехов участвует в том бою на стороне красных, получает ранение в ногу, а затем становится свидетелем того, как Подтёлков устраивает над Чернецовым самосуд, убивая его, – после чего казаки вершат казнь над всеми остальными пленными офицерами.

В реальности события происходили чуть иначе. Чернецов действительно был разбит и взят в плен, но сумел сбежать. Однако вскоре он был снова схвачен казаками Подтёлкова. Приняли решение публично судить полковника, для чего его повезли в станицу Глубокую. В какой-то момент Чернецов выхватил спрятанный браунинг и попытался Подтёлкова застрелить, но не успел дослать патрон в патронник, и Подтёлков его зарубил.

Атаман Каледин умело использовал смерть набравшего известность 28-летнего Чернецова в пропаганде. Он лично написал статью, опубликованную в донской прессе, где говорилось: «Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе со вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами напали на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили. Сам Чернецов героически погиб. После этого большинство полков – участников этого подлого и гнусного дела – рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество. Многие из них пришли в ваши станицы и на хутора. Так знайте, что это за люди. Это позор донского казачества, которому нет места на земле тихого Дона».

Каледин отдавал себе отчёт, что большевики имеют серьёзную поддержку среди донского казачества, и прямо призывал к борьбе со всеми сторонниками большевистских идей. По сути – к гражданской войне.

Но ситуация складывалась не в его пользу. Ко второй половине января большевистские отряды одержали ряд побед на пограничных с Областью Войска Донского территориях. Отряд бывшего прапорщика Рудольфа Сиверса взял Макеевку, а затем – Таганрог, отряд бывшего прапорщика Юрия Саблина захватил станцию Зверево, отряд бывшего прапорщика Григория Петрова – Миллерово. То самое, откуда казаки хутора Татарского в «Тихом Доне» уезжали на германский фронт и куда затем возвращались. Из Миллерова Пантелей Прокофьевич забирает Григория, раненного в бою с казаками Чернецова.

В романе Мелехов зимой 1918 года служил под началом реального исторического лица – новочеркасского уроженца, героического участника Русско-японской, балканской войны 1912-го и германской (только на этой войне он получил 16 ранений) Николая Голубова. У Шолохова это: «толстый, пухлощёкий, наглоглазый офицер», – при этом отличный руководитель: «с жестоковатинкой, поставил дело».

Вчерашние прапорщики, ставшие красноармейскими командирами, – Сиверс, Саблин, Петров, Голубов, – шли как нож сквозь масло навстречу прославленным генералам, собравшимся на Нижнем Дону. Население захваченных городов, станиц и станций чаще всего и не думало сопротивляться большевистским командирам. Начальник гарнизона Таганрога полковник Александр Кутепов – будущий герой Белого движения – заранее оставил город, потому что имел при себе только 18 офицеров.

Генералы, прошедшие по несколько войн и руководившие в германскую фронтами, теперь в растерянности пребывали в тылу, – ну не управлять же им отрядами в сотню-другую людей?!

* * *

В среде казачества многие не испытывали ностальгии по прежним порядкам и даже сочувствовали большевикам.

Опустим разговор о казаках, сознательно ставших на сторону новой власти. Таковые были, но исчислялись они десятками, или в лучшем случае сотнями людей – как и пошедшие в Добровольческую армию. Выбор остальных имел подоплёку бытовую, экономическую.

Выше упоминался тот факт, что около 25 тысяч казачьих хозяйств вообще не имели скотины – то есть были не в состоянии обрабатывать свои наделы, поэтому сдавали их в аренду или сами шли в батраки. Десятки тысяч батраков казачьего происхождения было на Дону. Именно они и стали основными персонажами первых рассказов Шолохова.

Однако и у казачьих семей, имевших крепкое хозяйство, неизбежно возникали свои проблемы и тяжбы. Всю полученную паевую землю казаки, как правило, сводили в одно хозяйство, владели которым отцы семейств, «старики». Младшие сыновья почти всегда оставались в зависимости от отцов, не имея возможности отделиться. Беспощадно отражённый в шолоховских рассказах конфликт казачьих отцов и детей зачастую имел сугубо хозяйственные причины. Отцы никакой жизни не давали, подчинённое положение угнетало молодых.

Другой причиной казачьих тягот была дороговизна воинской, обязательной для казаков службы. По подсчётам специальной комиссии, работавшей в последние годы XIX века, только 21 % казачества мог снаряжаться на воинскую службу за свой счёт. Для 45 % это было сопряжено с безусловными лишениями. Оставшиеся 34 % были и вовсе не в состоянии снарядиться и просили о помощи станичный сход. Снаряжение казака на войну обходилось в 250–300 рублей – а это составляло два полных годовых дохода среднего хозяйства.

Чтобы купить коня идущему на службу казаку, семья продавала двух быков, а на снаряжение шли излишки хлеба, если таковые имелись. Казака подготовят – а семья разорена. Григорий, сын крепкого середняка Пантелея Прокофьевича Мелехова, с трудом находит денег на коня (несколько месяцев копил, отказывая себе во всём). Но его коня бракуют! Приходится брать коня у брата Петра.

Казаки с гордостью блюли нажитую за минувшие три с половиной столетия славу и честь предков, однако в конце XIX века в российской военной прессе прямо писали, что нынешнее казачество уже не столько войско, сколько ополчение: на службу являются на плохих конях, дурно одетые и плохо вооружённые. Сплошь и рядом попадались казаки, которые не только плохо стреляли, но и на лошади держались кое-как.

Даже ловкого и сильного Гришку Мелехова премудростям сабельного боя учит – уже на войне! – казак Чубатый. До начала службы Мелехов несравнимо больше занимался хозяйством.

Казачество уходило от воинской своей профессии, обращаясь в крестьянство. Революция застала его посредине этого пути. Да, в 1883 году был открыт Донской кадетский корпус и в 1888 году Атаманское техническое училище, а следом юнкерский институт, политехнический институт, коммерческое, сельскохозяйственное и землемерное училища – но за годы до революции обучиться там успели считанные проценты донцов.

Для основной массы казачества за триста лет быт изменился не слишком. В допетровские времена казаки обитали в убогих куренях, крытых камышом, непрестанно воевали, занимались скотоводством и не занимались земледелием, а теперь жили в тех же куренях, крытых камышом, занимались скотоводством, воевали уже реже, зато чаще пахали землю.

В самой большой станице выписывалось в лучшем случае две-три газеты; библиотек не было. Царила в известном смысле архаика, таившая при этом огромную традицию древнего уклада – всё то, что в конечном итоге и породило шолоховский эпос.

В составе имперской армии казачество до самого последнего времени являлось стремительной и яростной составляющей – кровь всё-таки брала своё! – но само по себе составить конкуренцию пусть даже недавно созданным красноармейским соединениям, имеющим помимо бронепоездов и артиллерии сильный центр и политическое управление, казаки уже не могли.

Да и не слишком хотели.

* * *

29 января Каледин собрал заседание правительства в Новочеркасске и объявил, что для защиты Донской области от большевиков на фронте нашлось лишь 147 штыков. Он посчитал личным позором «отказ казачества следовать за своим атаманом» (цитата из его письма Алексееву). Снял с себя полномочия войскового атамана и в тот же день, оставшись один, выстрелил себе в сердце.

Большевики не скрывали ликования. «Правда» писала в те дни: «Борьба клонится к концу».

Правительство Войска Донского, шокированное самоубийством Каледина и напуганное стремительным продвижением красных, почти в полном составе оставило Новочеркасск и бежало. Красные части начали наступление на Верхнем Дону. 5 февраля 5-й Курский пехотный полк второй бригады Инзенской дивизии вошёл в станицу Еланскую. Перейдя Дон, красные заняли Плешаков и близлежащие хутора. 6-го февраля пошли дальше, оставив Плешаков в тылу.

Предводитель Добровольческой армии Лавр Корнилов принял решение уйти на Кубань. Добровольческая армия двинулась в свой февральский Ледяной поход.

В первый же день выяснилось, что казаки не желают предоставлять отступающим частям ночлег. Помимо надежд на большевистскую власть, обещавшую казакам земли, имелся и ещё один немаловажный момент, объясняющий происходившее.

Натерпевшееся от разнообразной муштры за годы германской войны, казаки с особой неприязнью относились к офицерству, особенно дворянского происхождения. Между тем из 3700 бойцов Добровольческой армии 2350 были офицерами, в том числе 36 – генералами, а 242 – штабными офицерами, из которых более двадцати – офицерами Генерального штаба!

Легендарный Ледяной поход выявил, помимо очевидного мужества его участников, ещё и болезненный разлад между простонародьем и «белой костью»: день за днём, во всех станицах, где проходило белое воинство, казаки и тем более крестьяне встречали добровольцев настороженно либо враждебно.

Корнилов в боях и лишениях довёл свою армию до Екатеринодара и, проведя два неудачных штурма города, погиб от случайного снаряда, угодившего точно в мазанку, где находился штаб. Добровольческую армию возглавил Деникин.

Смерть Корнилова вынудила армию оставить надежду взять Екатеринодар и возвращаться обратно на Дон. Никакого стратегического смысла в этом многократно опоэтизированном походе не было.

Тем временем на Дону войсковой круг выбрал вместо Каледина новым атаманом донского казака, дослужившегося до генерал-майора, – Анатолия Назарова. Он немедленно объявил мобилизацию, поставив цель отразить наступление большевиков. Мобилизация провалилась. Назаров пробыл атаманом чуть больше двух недель.

Шолохов: «Рушились трухой последние надежды. Смыкалась и захлёстывала горло области большевистская петля».

12 февраля 1918 года в Новочеркасск вошёл отряд красного атамана Николая Голубова – того самого, у которого недавно командовал дивизионом Мелехов, теперь залечивавший ранение. Были арестованы все делегаты Казачьего круга, а в городе провозглашена Советская власть.

17 февраля по приказу Подтёлкова низложенного атамана Назарова, председателя Войскового круга, войскового старшину и трёх оставшихся в Новочеркасске офицеров высшего звена расстреляли за городом.

* * *

Ещё в январе 1918-го Центральная рада провозгласила независимость Украинской народной республики. Однако речь шла только о том, кто первым прикончит новую республику – советские части или немецкие войска, перешедшие в наступление после неуспеха брестских переговоров о мире. В конце апреля занявшие Киев немцы разогнали Раду и объявили гетманом своего ставленника Павла Скоропадского. Вскоре немецкие войска подошли к Богучару. Гимназия, где учился Шолохов, закрылась.

В «Тихом Доне» есть зарисовка с натуры: «По утрам появлялись немецкие аэропланы, кружились коршунычей семьёй, снижались; коротко стрекотали пулемёты, из эшелонов выпали красногвардейцы; дробно грохотали выстрелы, над станциями запах шлага смешивался с прогорклым запахом войны, уничтожения. Аэропланы взмывали в немыслимую высоту, а стрелки ещё долго опорожнялись патронные цинки, и сапоги ходивших мимо состава тонули по щиколотку в пустых гильзах. Ими покрыт был песок, как буерак дубовой золотой листвою в ноябре.

Безмерное разрушение сказывалось на всём: по откосам углились сожженные и разломанные вагоны, на телеграфных столбах сахарно белели стаканы, перевитые оборванными проводами. Многие дома были разрушены, щиты вдоль линии сметены, будто ураганом...»

Родители забрали Мишу в Плешаков. Теперь он жил там, разъезжая с отцом по округе.

Верхний Дон бурлил и негодовал: ряд станиц взбунтовались по причине безобразного поведения красноармейцев, занимавшихся мародёрством и повинных в изнасиловании нескольких казачек. Разозлённые казаки решили отомстить Подтёлкову и Кривошлыкову как главным представителям большевистской власти на Дону. В Плешакове несколько раз появлялся Захар Акимович Алфёров, первый атаман Верхне-Донского округа Области Войска Донского – персонаж «Тихого Дона»; последовательный противник Советской власти и руководитель борьбы с подтёлковцами. Подросток Шолохов видел Алфёрова своими глазами.

Дополнительной причиной охоты на отряд Подтёлкова стали слухи о том, что он завладел в оставленном белогвардейцами Ростове золотом и возит его при себе.

Настроения на Дону начали резко меняться – до той поры почти уже готовые склониться на сторону большевиков, казаки по собственному почину начали создавать отряды самообороны. В «Тихом Доне» в это же время на хуторе Татарском формируют добровольческую сотню. Туда безо всяких видимых причин, но скорее в силу общей инерции попадают Григорий Мелехов и его товарищ Христоня. Возглавит сотню хорунжий Пётр Мелехов.

Шолохов пишет так: «Молодые ехали поневоле, старые – по ретивой охоте».

Отправившись в первую экспедицию, Мелехов с казаками проезжают мимо Каргинского. На всяком ключевом сюжетном повороте Шолохов словно нарочно проводил главных героев мимо своего родного хутора.

«Спускаясь с горы в Каргинскую, казаки повстречали подростка-казачонка, гнавшего на попас быков. Шел он, оскользаясь босыми ногами, помахивая кнутом. Увидев всадников, приостановился, внимательно рассматривая их и забрызганных грязью, с подвязанными хвостами лошадей.

– Ты чей? – спросил его Иван Томилин.

– Каргин, – бойко ответил парнишка, улыбаясь из-под накинута на голову курточки». (Фамилия Каргин была самой распространённой в хуторе, её носило множество местных).

Томилин спрашивает:

«– Ушли ваши казаки?

– Пошли. Красногвардию пошли выбивать. А у вас не будет ли табачку на цыгарку? А, дяденька?

– Табачку тебе? – Григорий придержал коня.

Казачонок подошёл к нему. Засученные шаровары его были мокры, лампасы ало лоснились. Он смело глядел в лицо Григорию, вырочавшему из кармана кисет, говорил ловким тенористым голосом:

– Вот тут зараз, как зачнёте спускаться, – увидите битых. Вчерась пленных, краснюков погнали в Вёшки наши казаки и поклали их... Я, дяденька, стерёг скотину вон возле Песчаного кургана, видал оттель, как они их рубили. Ой, да и страшно же! Как зачали шашками махать, они как взревелись, как побёгли... Посля ходил, глядел... У одного плечо обрубили, двошит часто, и видно, как сердце в серёдке под кровями бьётся, а печёнки синие-синие... Страшно! – повторил он, дивясь про себя, что казаки не пугаются его рассказа, так по крайней мере заключил он, оглядывая бесстрастные и холодные лица Григория, Христони и Томилина.

Закурив, он погладил мокрую шею Григорьева коня, сказал: “Спасибочко”, – и побежал к быкам.

Около дороги, в неглубоком, промытом внешней водой яру, чуть присыпанные суглинком, лежали трупы изрубленных красногвардейцев. Виднелось смугло-синее, как из олова, лицо с запекшейся на губах кровью, чернела босая нога в синей ватной штанине.

– Тошно им прибрать... Сволочи! – глухо зашептал Христоня и вдруг, секанув плетью своего коня, обгоняя Григория, поскакал под гору».

Шолохов будто бы знал этого пастушка и сам однажды – а то и не раз – слышал подобные диалоги.

Бесстрастные лица у казаков (блистательно точная деталь!) были оттого, что они уже навидались подобного. И ещё оттого, что догадались: дальше будет куда страшней.

* * *

10 мая Подтёлкова и его товарищей взяли в плен казаки подъесаула Захара Спиридонова. 11 мая, на Святую Пасху, в хуторе Пономарёве Подтёлков и комиссар его отряда Кривошлыков были повешены, а остальные участники их отряда расстреляны.

Обычность и ужас истории этой в том, что Подтёлков и Спиридонов в Первую мировую воевали в одной батарее: Подтёлков тогда был за храбрость награждён двумя Георгиевскими крестами и дослужился до звания подхорунжего; урядник-сверхсрочник Спиридонов был произведён за воинские заслуги в прапорщики. И вот бывший подчинённый загнал подхорунжего на сук.

Подтёлков и Кривошлыков приняли смерть с безупречным мужеством. Есть фотография, запечатлевшая их перед казнью: два гордых и прямых человека с бесстрастными лицами.

В «Тихом Доне» сцена казни Подтёлкова, Кривошлыкова и красноармейцев их отряда завершает второй том эпопеи: страницы написаны с обескураживающей силой.

Гришка Мелехов, на этот раз угодивший к белым, явившись к месту казни, сталкивается с Подтёлковым лицом к лицу. Тот успевает прошептать: «И нашим и вашим служишь? Кто больше даст? Эх ты!..»

Мелехов покинет место казни, чтоб не видеть происходящего.

Сначала бессудное убийство Чернецова и казнь бойцов его отряда, следом казнь подтёлковцев – в Пасхальный день! – разрывают мелеховскую душу надвое.

В казни принимает участие товарищ и сродственник Мелехова – Митька Коршунов, родной брат мелеховской жены Натальи. Отца Митьки и Натальи Мирона Коршунова Шолохов, как уверяют старожилы, писал с одного из каргинских богатеев – Мирона Каргина. Сын этого Каргина действительно участвовал в казни подтёлковцев.

Казнь Подтёлкова и его подчинённых наблюдал ещё один важный в нашей истории человек – казак Харлампий Васильевич Ермаков. Один из главных прототипов Григория Мелехова, хороший знакомый шолоховской семьи, собеседник Михаила Шолохова. Есть известное в поздних пересказах свидетельство, что Ермаков в те дни заезжал к Александру Михайловичу Шолохову и рассказал о случившемся на Светлую Седмицу в присутствии сына.

Таким образом минимум двух участников этой трагедии Шолохов видел, знал.

Впоследствии смерть и Чернецова, и Подтёлкова обсуждалась плешаковскими казаками многократно, при самых разных обстоятельствах, в самых жутких подробностях. Эти разговоры впечатались в сознание подростка Шолохова намертво.

* * *

Днём раньше, 10 мая, казачьи отряды генерала Петра Краснова заняли Новочеркасск, выбив красных. В городе тут же начались расстрелы – теперь уже большевиков и сочувствующих.

Из воспоминаний современника и непосредственного участника: «Жатва была довольно хорошая: каждый вечер, помимо суда, расправлялись с пленными “товарищами”. Когда убивали по 100, а когда 300; а за одну ночь даже 500 человек сразу ликвидировали. Причём устраивали это так: 50 человек роют себе общую могилу, затем их расстреливают; другие 50 их закапывают, а рядом роют могилы для себя».

11 мая Временное донское правительство созвало Круг спасения Дона, избравший Краснова атаманом донского казачества. Он сменил застрелившегося Каледина и расстрелянного Назарова.

Шолохов: «Черкасня, все низовцы горой стояли за Краснова». Редкое, но тогда бывшее в ходу слово он употребил, издевательски определяющее казаков Нижнего Дона, как «черкастю».

«Старикам был по душе генерал – георгиевский кавалер; многие служили с ним в японскую войну. Офицеров прельщало прошлое Краснова: гвардеец, светский, блестяще образованный генерал, бывший при дворе и в свите его императорского величества. Либеральную интеллигенцию удовлетворяло то обстоятельство, что Краснов не только генерал, человек строя и военной муштровки, но, как-никак, и писатель, чьи рассказы из быта офицерства с удовольствием читались в своё время в приложениях к “Ниве”; а раз писатель, – значит, всё же культурный человек».

Шолохов даёт здесь политический расклад: контрреволюцию поддерживали низовое казачество, офицеры, либеральная интеллигенция, старики.

Пантелей Прокофьевич Мелехов в числе делегатов ездил в Новочеркасск. Он был восхищён новым атаманом.

В действительности, которую наблюдал подросток Шолохов, и от Каргинской (из хутора в том году обратившейся в станицу), и от Плешакова тоже ездили на круг делегаты. Вернувшись, делились убеждённостию: теперь всё будет как прежде и даже лучше – Дон нерушимо входит в свои казачьи права. Новая государственность возникает!

Впечатлённый новостями, Иван Сергеевич Лёвочкин подал тогда запрос на переход в казачье сословие. 14 июня 1918 года на станичном сходе было решено: мещанина города Зарайска Рязанской губернии Лёвочкина, 56 лет, и жену его, Александру Васильевну Лёвочкину, 52 лет, принять в число казаков Каргинской станицы Верхне-Донского округа.

Когда-то богатейшему купцу и попечителю предоставили теперь право на пожизненное ношение штанов с красными лампасами. Он стал в них наряжаться кстати и некстати, объявляясь на площади возле своих закрытых уже лавок пешком, в шляпе, в пиджаке – и в штанах с лампасами.

Старики ругались на постаревшего богатея. Молодые посмеивались.

Удачи Лёвочкину переход в иное сословие не принёс. Осенью он закроет оставшиеся заведения, часть денег с распродажи передаст за многолетнюю работу Петру и Михаилу Шолоховым, а в следующем году уедет с концами за Донец.

Тем и закончится его история.

На глазах у Шолохова кончилась целая фамилия. Целое купеческое дело развеяло по ветру.

* * *

На Верхнем Дону многих из числа молодых и тем более бедствующих казаков, батраков, крестьян, иногородних ничего в новом раскладе не радовало. Только совсем недавно обнадёжились – и всё по-старому опять.

Прежде было хотя бы две стороны – красная и белая, и казаки посередке, – а теперь завертелось куда пуще: на окраинах Донской области весной 1918-го казаки впервые сошлись с петлюровцами, здесь же рыскал красный командарм, казак станицы Усть-Медведицкая Филипп Миронов, здесь же бродили белогвардейские отряды, здесь же немцы топтали казачью землю: кровавая карусель крутилась всё быстрее, каждый настаивал на своей последней правоте и пощады не ведал.

Краснов по украинскому примеру вступил в переговоры с немцами, надеясь, что те помогут ему сохранить независимость от России. Он видел себя главой огромного суверенного образования – Доно-Кавказского союза, включающего Астраханские, Ставропольские, Кубанские земли, Северный Кавказ, а также Воронеж, Царицын, Камышин и Таганрог. Последний к тому времени заняли немцы, стоящие в 12 верстах от Новочеркасска. Краснов письменно просил их передать Таганрог под его власть.

В своём приказе № 1 от 13 мая 1918 года атаман писал: «Кзаки и граждане! Я призываю вас к полному спокойствию в стране. Как ни тяжело для нашего казачьего сердца, я требую, чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходок по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части».

В направленном 28 июня письме кайзеру Вильгельму Краснов просил его признать границы «Всевеликого Войска Донского». От кайзера ждали поставок оружия, взамен Краснов обещал предоставить Германской империи избытки «хлеба, зерна и муки, кожаных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных товаров и изделий, скота и лошадей, вина и других продуктов садоводства и земледелия».

Укрепляя своё положение, Краснов вступил в переговоры и со Скоропадским, признавая украинскую федеративную независимость, обещая ему всяческую поддержку, но также прося о военных поставках. Испросив совета у немцев, Скоропадский откликнулся, и атаман в первый же заход получил от самостийного Киева 11 тысяч винтовок, 46 орудий, 88 пулемётов, 109 тысяч артиллерийских снарядов, 11 миллионов патронов: нехай москали бьют друг друга, пока установится покрепче украинская государственность.

За этим последуют ещё более внушительные поставки вооружения на Дон, включавшие 45 самолётов с запасными частями и две тысячи авиабомб.

Алексееву и Деникину нужна была вся Россия, а не Доно-Кавказский союз. На переговоры Краснова с германцами и Скоропадским они смотрели брезгливо. У Шолохова в романе белые генералы иронизируют над Красновым: «Княжить и владеть хочется... Бригадный генерал упивается монаршей властью». Однако помешать ему вожди Добровольческой армии были не в силах и, зависимые от Краснова, увы, смирились с проводимой им антирусской и сепаратистской политикой.

Краснову Москва была не нужна, но желателен был Царицын для соединения с уральскими казаками. Большевикам же было нужно всё: Украина, Урал, Кубань, Кавказ, Новочеркасс. И головы белых генералов.

Шолохов даст в своём романе беспристрастную и безжалостную картину той поры: «Раненые добровольцы, отлеживавшиеся в Новочеркасске, посмеивались над стремлением Краснова к автономии и над слабостью его по части восстановления казачьей старинки, в кругу своих презрительно называли его “хузяином”, а Всевеликое Войско Донское переименовали во “всевесёлое”. В ответ на это донские самостийники величали их “странствующими музыкантами”, “правителями без территории”. Кто-то из “великих” в Добровольческой армии едко сказал про донское правительство: “Проститутка, зарабатывающая на немецкой постели”. На это последовал ответ генерала Денисова: “Если правительство Дона – проститутка, то Добровольческая армия – кот, живущий на средства этой проститутки”».

* * *

К 1918 году вот уже год как существовал административный Верхнедонской округ с центром в станице Вёшенской. Была открыта Вёшенская смешанная гимназия. Осенью Михаила Шолохова перевели туда из Богучарской – Вёшенская стала четвёртой гимназией на его счету.

Только с этого года всерьёз начинается вёшенская история Шолохова. Ныне эта станица неотрывно связана с его именем, но была она далеко не первой географической точкой на путях шолоховской юности.

Михаила, наконец, допустили в родовой дом, построенный когда-то его дедом. В этом доме окончила свою жизнь его бабушка Мария Васильевна. Теперь там хозяйствовал её брат – Капитон Васильевич Мохов.

Дом стоял на главной площади станицы и был одним из самых богатых во всей округе. В «Тихом Доне» есть приметы его внутренней обстановки. Голландская печка в прихожей. В большом кабинете хозяина (то есть Мохова, двоюродного деда Михаила) – широкий, как двуспальная кровать, письменный стол и камин, покрытый кафельной плиткой.

О том, что ему привелось пожить в этом доме, Шолохов позже не обмолвится ни словом, на что будут свои веские причины.

Гимназия располагалась в соседнем здании. Евгений Акимович Щетников, одноклассник Шолохова: писателя, вспоминает: «Класс, где учились я и Шолохов, был четвёртый. Помню, как Мишу привели к нам. Вошёл он, всех оглядел смело так. “Вот, ребята, вам новый ученик, переведённый из богучарской гимназии”, – по обычаю представили ученика. Шолохов был небольшого роста, полненький, в форме гимназиста. Запомнил я его ещё по рисунку. А было так: учителем пения был у нас Ефим Иванович (дразнили его “сапог”), он со скрипкой не расставался – в лес с ней ходил, по станице, а одевался плохо, был бедным... Михаил всё это за ним подметил, взял и нарисовал в перемену на доске сапог и к этому сапогу пририсовал скрипку. Вошёл Ефим Иванович – обомлел. Нас стали тягать в учительскую. Но никто его не выдавал. А он, Шолохов, сам встал и сказал: “Я нарисовал”. Думали, исключат его. Нет, оставили. Посчитали за баловство. Нас было восемнадцать или двадцать два ученика в классе... У гимназистов фуражки были синие, с белым кантом и чёрным козырьком и спереди над кокардой было “ВСГ”: Вёшенская смешанная гимназия. Помню, на пении начинали мы гимн: “Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон и послушно отозвался на призыв монарха он...” Директор запретил нам так петь, заменил: “...на призыв свободы он...”»

В очередной своей гимназии Миша проучится всего несколько месяцев. Но вёшенские впечатления той поры станут одними из наиважнейших, пожизненно определяющих.

* * *

К декабрю 1918-го Красная армия начала повторное наступление на земли Войска Донского.

«Тихий Дон»: «28-й полк с новым командиром полка, вахмистром Фоминым, вступал в Вёшенскую. Следом за ним, верстах в тридцати, шли части Инзенской дивизии. Красная разведка в этот день побывала уже на хуторе Дубровке.

Командующий Северным фронтом генерал-майор Иванов за четыре дня до этого вместе с начальником штаба генералом Замбжицким спешно эвакуировались в станицу Каргинскую. Автомобиль их буксовал по снегу, жена Замбжицкого в кровь кусала губы, дети плакали...

В Вёшенской на несколько дней установилось безвластие. По слухам, в Каргинской сосредотачивались силы для того, чтобы бросить их на 28-й полк. Но 22 декабря из Каргинской в Вёшенскую приехал адъютант Иванова и, посмеиваясь, забрал на квартире командующего забытые им вещи: летнюю фуражку с новенькой кокардой, головную щётку, бельишко и ещё кое-что по мелочам...»

Откуда он это знал? Откуда взялась эта странная деталь – возвращение за оставленными командующим вещами? Да в окно он наблюдал этот забуксовавший автомобиль, жену и детей Замбжицкого и его вернувшегося адъютанта! Виктор Альфонсович Замбжицкий, реальное

историческое лицо, квартировал в самом центре станицы, скорее всего, именно в моховском доме – самом дорогом и просторном.

«В образовавшийся на Северном фронте стовёрстный прорыв хлынули части 8-й Красной армии. Генерал Саватеев без боя отходил к Дону. На Талы и Богучар спешно отступали полки генерала Фицхалаурова. На севере на неделю стало необычно тихо. Не слышалось орудейного гула, помалкивали пулемёты. Удручённые изменой верхнедонских полков, без боя отступали бившиеся на Северном фронте низовские казаки. Красные подвигались сторожко, медленно, тщательно щупая разведками лежащие впереди хутора».

Мелькнувший здесь Яков Ефимович Фомин – один из главных персонажей «Тихого Дона», фигурирует он и в «Донских рассказах», и в «Поднятой целине». Это реальное историческое лицо, казак с хутора Рубежный, знакомый семьи Шолоховых. Николай Иудович Иванов, Онисим Иванович Савватеев, Александр Петрович Фицхалауров – также исторические лица, белые генералы. Кого-то из них Шолохов видел сам – проезжавших через станицу или останавливавшихся там, – чьи-то имена слышал тогда в разговорах.

В «Тихом Доне» он осмысленно смешает имевшие место, подсмотренные и выдуманные события, фиксируя коловращение вокруг того места, где он и находился.

При всём кажущемся охвате романа – особенно для людей, не знакомых с местной топоимикой, – на проверку выясняется, что три четверти его действия происходит в пределах Вёшенского округа. На несколько страниц высвечиваются Москва, польские селения, Новочеркасск, Ростов, но вскоре неизбежно следует возвращение в придуманный автором хутор Татарский, вокруг которого реальный Каргинский, реальный Плешаков, реальные Вёшенская, Миллерово, Богучар... Места, в которых Шолохов знал каждый закоулок.

В январе 1919-го части Красной армии начнут занимать северные и восточные округа Донской области.

Григорий и Пётр Мелеховы заранее дезертируют из своих частей.

В романе, при подходе красных частей к хутору Татарскому, Аникушка – тот самый, реальный сосед Шолоховых по Каргинскому – предупреждает Пантелея Прокофьевича, что большевики уже возле Вёшек: «Человек видал с Большого Громка, рассказывал, будто нехорошо идут. Режут людей...»

Мелеховы поначалу решили отступать вместе с белыми частями, но раздумали. Увидев, что даже Григорий и Пётр, давно дослужившиеся до офицерских званий, не идут в отступ, и Аникушка остался.

Явились большевики.

«Красноармейцы толпой валили вдоль улицы, разбивались на группы, заходили во дворы. Трое свернули в воротца к Аникушке, пятеро, из них один конный, остались около астаховского куреня, а остальные пятеро направились вдоль плетня к Мелеховым. Впереди шёл невысокий пожилой красноармеец, бритый, с приплюснутым, широконоздрым носом, сам весь ловкий, подбористый, с маху видать – старый фронтовик. Он первый вошёл на мелеховский баз и, остановившись около крыльца, с минуту, угнув голову, глядел, как гремит на привязи жёлтый кобель, задыхаясь и захлёбываясь лаем; потом снял с плеча винтовку. Выстрел сорвал с крыши белый дымок инея».

Утвердившись в Татарском, Советская власть потребовала сдать оружие.

Аникушка в романе первым побежал сдавать.

* * *

24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б), возглавляемое Яковом Свердловым, направило секретное циркулярное письмо партийным организациям Дона и Приуралья с прямым

поручением начать массовый террор против богатых казаков, вошедший в историю под именем «расказачивания».

9 февраля в станицу Вёшенскую вошла 15-я Инзенская пехотная дивизия. Подросток Михаил Шолохов наблюдал её появление своими глазами. В его романе в доме Мохова, оставленном хозяевами, разместился ревком. Новые хозяева приспособили подвал – «где раньше зимовали яблоки» – под изолятор, куда начали сажать богатых казаков, отказавшихся выплачивать контрибуцию.

На самом деле ревком был по соседству – в гимназии.

Как явление новой власти воспринимали в родовом доме Шолоховых?

Едва ли Капитон Васильевич Мохов мог обрадоваться происходящему. Да, обитатели дома не принадлежали к казачьему сословию и поэтому не подпадали под зверскую директиву Свердлова, – но если с белыми генералами и казачьим самоуправлением ещё можно было договориться, то с Красной армией было пока неясно, чего от нее ждать.

И вот стучат в двери. Задают вопросы, кто здесь размещался ранее и кто проживает ныне. Старик Мохов выносит бумаги – документы на дом.

Гости заявляют, что помещения особняка будут использоваться под революционные нужды.

Мохов степенно соглашается.

Здесь разместят красноармейский госпиталь. Миша будет наблюдать, как вносят носилки с ранеными, завшивленными, в грязных бинтах красноармейцами. Потом, день или два спустя, увидит в окно, как в гимназию ведут под конвоем богатых вёшенских казаков.

События «Тихого Дона» и события в станице Вёшенской переплетаются, путаются друг с другом.

В романе тогда расстреляли без суда и следствия семь человек, в том числе Мирона Коршунова – богатого тестя Гришки Мелехова. Свои порядки устанавливает Вёшенский ревком. Явившийся в Татарский Штокман собирает на сход казаков. Убеждает их в правоте Советской власти.

Ответное слово берёт Алёшка Шамиль:

«– Вы забрали их, кто сдуру набрехал, казнили, а вот купцов не трогаете! Купцы деньгой у вас жизнь свою откупили! А нам и откупиться не за что, мы весь век в земле копаемся, а длинный рупь мимо нас идёт. Они, каких расстреляли, может, и последнего быка с база согнали б, лишь бы жизнь им оставили, но с них кострибуцию не требовали. Их взяли и поотвернули им головы. И ить мы все знаем, что делается в Вёшках. Там купцы, попы – все целенькие. И в Каргинах, небось, целые. Мы слышим, что кругом делается. Добрая слава лежит, а худая по свету бежит!»

Из этого монолога мы по косвенным признакам понимаем: Моховых не тронули, что, судя по всему, вызвало ропот в казачьей среде. Вроде бы новая власть – она за бедных и против богатых, но, как выяснилось, никаких претензий к обитателям самого богатого дома в станице красноармейцы не предъявили. Моховы, судя по всему, имели возможность оказать помощь в обустройстве госпиталя и нашли с ревкомом общий язык.

Но как замечательно Шолохов сводит здесь воедино разные фрагменты собственной биографии: в придуманном Татарском реальный Штокман из Богучара слушает реального Шамиля из Каргинской – который жалуется на то, что живущего в станице Вёшенской реального купца Капитона Васильевича Мохова, двоюродного шолоховского деда, новая власть никак не наказала!

* * *

Капитон Васильевич вскоре поймёт, что жизни теперь ему не будет. Однажды он без долгих прощаний – возможно, даже в надежде вернуться – уедет из станицы. Но возвращения не случится – Мохов навсегда исчезнет в сумятице Гражданской, чтоб тенью под собственной фамилией объявиться в шолоховском романе.

Моховские лавки – те, что сразу не пожгут, – национализировали. Имущество растащили. Гимназия закрылась, и в моховском, оставшемся без хозяина доме, посреди красноармейцев и ревкомовского руководства, Мише находиться было уже незачем.

В феврале 1919-го Александр Михайлович забрал его в Плешаков.

Больше учиться в гимназии Михаилу уже не придётся.

В Плешакове он застанет заход Курского пехотного полка – они заночуют в хуторе.

Шолоховы по-прежнему живут в доме Дроздовых. Братья на нервах – они успели послужить в казачьих дружинах, боровшихся с большевиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.